

Патриарх Никон
и его противники в деле исправления
церковных обрядов, Н.Ф. Каптерев

Г Л А В А VI.

На ряду съ прогрессивными просвѣтительными стремленіями, такъ замѣтно проявившими себя во время патріаршества Іосифа, сказалось у насъ въ этоже самое время и другое направленіе, противоположное первому, которое, особенно усилившись къ самому концу патріаршества Іосифа, враждебно столкнулось съ новыми московскими вѣяніями, вступило въ борьбу съ самимъ патріархомъ Іосифомъ, потомъ упорно продолжало бороться съ преемникомъ Іосифа—Никономъ и въ концѣ концовъ породило въ русской церкви расколъ. Откуда и какъ появилось это направленіе при Іосифѣ, кто были его представители, во имя чего и за что оно собственно ратовало—все это такіе вопросы, на которые нѣтъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ у нашихъ церковныхъ историковъ и полемистовъ съ расколомъ, а между тѣмъ безъ ихъ рѣшенія невозможенъ правильный взглядъ на борьбу между патріархомъ Никономъ и противниками его исправленій, невозможно и правильное пониманіе происхожденія у насъ раскола. Сколько позволятъ наши средства, мы попытаемся изложить это дѣло, какъ мы его понимаемъ, чтобы хотя что-нибудь освѣтить будущему изслѣдователю на этомъ темномъ еще пути.

Со вступленіемъ на царскій престолъ Алексѣя Михайловича особенно выдающееся значеніе въ Москвѣ въ церковныхъ дѣлахъ получилъ духовникъ царя, протопопъ московскаго Благовѣщенскаго собора Стефанъ Воиновъ. Судя по тому немногому, что мы знаемъ о Стефанѣ ¹⁾, нужно признать, что это

¹⁾ Наши свѣдѣнія о Стефанѣ Воиновѣ вѣдѣны почти исключи-

былъ человѣкъ выдающійся по своему уму, высокимъ нравственнымъ качествамъ, по своей ревности къ благочестію, по своимъ стремленіямъ къ общественной дѣятельности. Это былъ по словамъ біографа Неронова, „мужъ благоразуменъ и житіемъ добродѣтеленъ, слово учительно во устахъ имѣя“, человѣкъ, умѣвшій внушить къ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ окружающихъ его лицъ. Молодой и воспріимчивый царь Алексѣй Михайловичъ воспитался подъ замѣтнымъ вліяніемъ своего ревностнаго по благочестію духовника, который, „всегда входя въ царскія палаты, глаголаше отъ книгъ слова полезная, увѣщевая со слезами юнаго царя ко всякому доброму дѣлу, и врачуя его царскую душу отъ всякихъ злыхъ начинаній“, такъ что то глубокое и постоянное благочестіе, которое потомъ всегда проявлялъ царь Алексѣй Михайловичъ, было насаждено въ немъ и укрѣплено съ юныхъ лѣтъ его духовникомъ, Стефаномъ Вонифатьевымъ²⁾. Какъ сильно было вліяніе духовника на молодого царя и въ какую сторону оно направлялось, это между прочимъ видно изъ того, что когда Алексѣй Михайловичъ женился на Маріи Милославской, „тогда честный оный протопопъ Стефанъ и моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти въ оно брачное время смѣху никакому, ни кощунамъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснемъ студнимъ, ни сопельному, ни трубному козлогласованію“. Стефанъ, какъ истый ревнитель благочестія, хотѣлъ, чтобы именно царскій домъ былъ образцомъ христіанской жизни для подданныхъ, чтобы царь первый отказался отъ тѣхъ свадебныхъ обычаевъ, забавъ и игръ, въ которыхъ болѣе всего сохранилось

тельно изъ біографіи протопопа Іоанна Неронова, составленной современникомъ и напечатанной въ первомъ томѣ Матеріаловъ для исторіи раскола Н. Субботина.

²⁾ Что Стефанъ Вонифатьевъ поучалъ царя благочестію чтеніемъ ему назидательныхъ книгъ, это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: въ письмѣ Стефану изъ Вологды, отъ 13 іюля 1654 года, Нероновъ пишетъ: «преподобнаго же отца Теодора Исповѣдника, игумена Студійскаго, житія къ тебѣ послахъ, моля, да часто почитаеши его предъ благочестивымъ царемъ, чтобъ ему, государю, внятно было. Паче же и великаго свѣтилника и вселеннѣй учителя вопстину, и поваянію проповѣдника, Іоанна Златоустаго житіе почитаеши молихъ ти». Вѣроятно подобныя чтенія часто достигали цѣли: государю становилось «внятно», что хотѣлъ ему внушить его уважаемый духовникъ.

языческаго, несогласнаго съ духомъ христіанскаго благочестія. Онъ достигъ свой цѣли. Хотя его требованіе, чтобы на царской свадьбѣ небыло никакихъ бѣсовскихъ игрانیи, студныхъ пѣсенъ и сопельныхъ и трубныхъ козлогласованій, шло въ развѣзъ съ народными вѣковыми обычаями, всѣми признаваемыми и свято соблюдаемыми, однако свадьба царя дѣйствительно совершилась „въ тишинѣ и страхѣ Божіи, и въ пѣніихъ и въ пѣсняхъ духовныхъ“; вмѣсто прежнихъ „пѣсней студныхъ“, на ней пѣли „строчные и демественные большіе стихи“, также изъ тріодей „драгія вещи“³⁾.

Но Стефанъ Воиофатьевъ, „звѣло! пеіійся о спасеніи души благочестиваго царя, млада суца, да не совратится умъ его въ нѣкая злая“, не ограничивался наученіемъ благочестію только одного царя. Онъ старался дѣйствовать своими поученіями и на окружающихъ царя вельможъ, чтобы и въ нихъ насадить сѣмена благочестія и гражданской правды. Стефанъ, говорить про него біографъ Неронова, „и бояръ увѣщеваше со слезами непрестанно, да имуть судъ правый безъ мзды, и не на лица зрище да судять, яко да не видеть отъ нѣкоторыхъ обидѣнныхъ и до конца раззорившихся вопль и плачь во уши Господа Саваова“⁴⁾. Эти моленія и слезныя увѣщанія Стефана, не только

³⁾ Забѣлина: Домъ биты русскіихъ царицъ, стр. 451.

⁴⁾ До насъ дошелъ сборникъ подъ заглавіемъ: «Книга, глаголемая Златоустъ», принадлежащая, какъ видно изъ находящейся на ней помѣты, Стефану Воиофатьеву. Въ этомъ сборникѣ, наряду съ отеческими поученіями, находится и нѣсколько русскихъ произведеній, изъ которыхъ особенно заслуживаетъ вниманія *Слово о правдѣ*. Въ немъ между прочимъ говорится: «аще убо вѣрній царь въ нынѣшнее время испытываешь, то во всѣхъ языкѣхъ, кролѣ російскаго языка, нѣвѣми правовѣрующа царя. И аще вѣроу правъ есть, достоинъ ему негѣбносно снискати разсмотря аже ко благополучію всѣмъ сущимъ подл нимъ. Ни единеми вельможами, ежъ о исправленія щещися, но и до послѣднихъ. Вельможи бо суть потребни, но ни отъ воихъ своихъ трудовъ не изволятся. Вначалѣ же всего потребни суть ратаевѣ (земледѣльци), отъ ихъ трудовъ есть хлѣбъ, отъ хлѣба же всѣхъ благихъ главизна... Ратаевѣ безпрестанн различна работная ига подь емлютъ, овогда бо дають серебряная ебровка, а иногда ямская собранія, овогда же ина. Елицы же отъ дароитательныхъ человекъ сихъ (т.-е. отъ непроизводящихъ непосредственно своимъ трудомъ) послани бывають царскихъ ради собраній (податей), сіиже подл царскаго указа и себѣ много отъ нихъ же собирають.

никого не вооружали противъ него, но царь и бояре „въ сла-
дость послушаше его и почиташе его и любяше всею душею,
яко истаго си отца“. Какъ высоко стоялъ Стефанъ въ мнѣнїи
близко знавшихъ его лицъ, это видно между прочимъ и изъ
того, что протопопъ Аввакумъ, неизмѣнный обычая говорить доб-
рое слово о тѣхъ, которые не согласны были съ нимъ во взгля-
дахъ и поступкахъ, и тотъ, хорошо зная, что Стефанъ въ борьбѣ
съ Никономъ „всяко ослабѣлъ“, отзывается однако о немъ съ
любовію и глубокимъ уваженіемъ. Въ челобитной къ царю изъ
Дауры, Аввакумъ пишетъ: „добро было при протопопѣ Стефанѣ,
яко все быша тихо и не мятежно ради его слезъ и рыданія и
негордаго ученія: понеже не губилъ никого Стефанъ до смерти,
якоже Никонъ, ниже поощрялъ кого на убіеніе“. Рассказывая
далѣе о своемъ заключенїи въ Андроньевѣ монастырѣ, гдѣ онъ
три дня сидѣлъ безъ пищи и безъ питья, Аввакумъ замѣчаетъ:
„тутъ мнѣ пищу принесе ангель за молитвъ святаго отца про-
топопа Стефана“. Нероновъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ,
называетъ Стефана „подобнымъ Давидови незлобіемъ и кро-
тостію“⁴).

Еще же снхъ ради послани—лжденіи ради коней. Въ ямская расточенія много
сребра расходится. Многа же и ина ратаемъ обидя отъ сего, еже царскіе земле-
мѣрительніи писаріе ѣздятъ съ южемъ дѣломъ жѣрнимъ, огдѣляюще царевымъ
воинномъ землю въ жѣру и всякому землю въ разнь полагають, и сами много
медлятъ и многа брашна у ратаевъ изыдають. И многа царства прочтохомъ, а
сего обычая невѣдѣхомъ! Слово рекомендуетъ затѣмъ, какъ слѣдуетъ правильно
устроить обременительную и разорительную для крестьянъ ямскую гоньбу, именно
оно говоритъ, что ее нужно устроить по подробному и точному росписанію отъ
одного города до другаго, причемъ отбываніе этой тяжелой повинности слѣдуетъ
вовсе снять съ крестьянъ и возложить ее на горожанъ купцовъ «елицы во гра-
дѣхъ продающе и скупоюще и прикуны богатѣюще... понеже многа прибытка
стяжатели суть». Взаимъ этого на купцовъ не слѣдуетъ налагать никакихъ дру-
гихъ повинностей и даровать имъ право «во вся грады безовсякихъ возданій ку-
пуще и продающе... «Симъ же, говоритъ слово, всякъ мятежъ въ земныхъ ума-
лится, и писаремъ умаленіе, сборы престанутъ и мзды неправедныя отлучатся».
(Архивъ ист. юрид. свидѣній Калачова, 2 тома вторая половина, стр. 43. 50. об-
зоръ рус. духовн. литер. Филарета, стр. 329—330). Присутствіе подобнаго слова
въ сборникѣ, принадлежащемъ Стефану, можетъ говорить за то, что поученія
Стефана царю не ограничивались одними только религіозно-правственными назиданіями,
но касались и другихъ предметовъ.

⁴) Матер. для ист. раск. V, 122 и 125; 1, 104.

Сдѣлавшись человѣкомъ сильнымъ и вліятельнымъ у царя и въ средѣ окружающихъ его лицъ, Стефанъ Вонифатьевъ тѣсно сблизился съ известнымъ ревнителемъ благочестія и просвѣщенія, постельничимъ Ѳеодоромъ Ртищевымъ, который „во многія нощи въ домъ его (Стефана) приходя, бесѣдовалъ съ нимъ.“ Во время этихъ бесѣдъ оба ревнителя благочестія обратили свое особенное вниманіе на различные пороки и недостатки, господствовавшіе тогда въ народѣ и въ самомъ духовенствѣ, на различные безпорядки въ церковной жизни, на отсутствіе у насъ церковной проповѣди и под. п рѣшились искать средства возвысить религіозно-нравственную жизнь народа и уничтожить наличные церковные безпорядки. Къ Стефану и Ртищеву скоро присталъ и еще очень видный и вліятельный человѣкъ — новопенасскій архимандритъ Никонъ. Нашлось, конечно, не мало и другихъ лицъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, у которыхъ благія начинанія Стефана находили себѣ полное сочувствіе и поддержку. Очень возможно, что и патріархъ Іосифъ вначалѣ оказывалъ поддержку Стефану, хотя потомъ онъ окончательно разошелся съ нимъ, какъ это увидимъ ниже. Но главная сила ревнителей заключалась въ молодомъ благочестивомъ царѣ, который былъ очень расположенъ къ своему духовнику, къ Ртищеву и къ Никону, вполне сочувствовалъ благимъ начинаніямъ своихъ любимцевъ и готовъ былъ всячески поддержать всѣ тѣ мѣры, которыя они находили необходимыми для насажденія на Руси истиннаго благочестія. Конечно, по инициативѣ ревнителей Алексѣй Михайловичъ издастъ въ самомъ началѣ своего царствованія рядъ указовъ о соблюденіи постовъ, о правильномъ посѣщеніи всѣми храмовъ Божіихъ, объ уничтоженіи въ народѣ непристойныхъ игрищъ, суевѣрій и др. Но одними указами, какъ вѣрно понимали ревнители благочестія, перевоспитать грубое, порочное и невѣжественное общество, было невозможно, необходимы были энергичные, учительные и ревностные къ своему высокому служенію пастыри, которые бы и словомъ и собственнымъ живымъ примѣромъ дѣйствовали на массу, воспитывая въ ней духъ истиннаго христіанскаго благочестія, тѣмъ болѣе, что сфера личной непосредственной дѣятельности Стефана и Никона почти совсѣмъ не выходила за предѣлы царскаго двора и круга

придворныхъ лицъ, къ народу же и его жизни она не имѣла непосредственнаго отношенія. Въ виду этого Стефанъ Вонифатьевъ, при дѣятельномъ содѣйствіи Ртищева и вѣроятно Никона, изыскиваетъ между тогдашнимъ бѣлымъ духовенствомъ такихъ лицъ, которыя бы заявили себя строгою жизнію, горячею ревностію въ дѣлахъ благочестія, неуклоннымъ исполненіемъ церковныхъ правилъ и постановленій, своею книжностію и учительностію, готовностію на энергическую борьбу съ различными общественными пороками и недостатками. Такихъ лицъ Стефанъ приближаетъ къ себѣ и болѣе выдающихся изъ нихъ, съ одобренія Ртищева и при содѣйствіи государя, ставитъ на видныя протопоскія мѣста въ различныхъ городахъ съ тѣмъ, чтобы они своими поученіями и обличеніями воспитывали народъ въ духъ благочестія, уничтожая господствующіе въ немъ пороки и недостатки, чтобы для всего мѣстнаго духовенства они служили образцомъ надлежащаго исполненія ими своихъ пастырскихъ обязанностей.

Своимъ ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ въ дѣлѣ публичной церковной проповѣди и водворенія церковныхъ порядковъ въ самой Москвѣ, Стефанъ Вонифатьевъ съ одобренія Ртищева избираетъ нижегородскаго священника Іоанна Неронова, ибо хорошо зналъ „прежде бывшее многостраданіе (Іоанна), и свидѣтельствованное Богомъ его житіе святое, и искусство божественнаго писанія, и рѣчиста, и ревность велию имуща по Бозѣ, и необинующася липъ сильныхъ, но Пророку Давиду, предъ цари глаголюща и нестыдящася“.

Нероновъ всю свою предшествовавшую жизнію и дѣятельностію какъ нельзя болѣе былъ подготовленъ къ той роли, какую назначалъ ему въ Москвѣ Стефанъ⁶⁾). Какъ только Нероновъ, еще будучи юношей, оставивъ свое родное село, пришелъ въ Вологду (не далеко отъ которой находилась его родина), какъ уже сразу заявилъ себя горячимъ и смѣлымъ ревнителемъ бла-

⁶⁾ Біографія Неронова, написанная вѣроятно современникомъ и изъ которой мы беремъ свидѣнія объ немъ, напечатана въ первомъ томѣ Матер. для ист. раск. Н. Субботина.

гочестія. Онъ пришелъ въ городъ на святкахъ „когда неразумніи люди обыкоша собиратися на бѣсовскія игральща паче прочихъ дней, налагающе на лица свои личины различныя страшныя по подобію демонскихъ зраковъ.“ Увидѣвъ ряженныхъ, выходящихъ притомъ изъ архіерейскаго дома, молодой Іоаннъ „разжегся духомъ нача обличати ихъ съ дерзновеніемъ“, за что и былъ очень жестоко избитъ ряжеными. Этотъ первый, не особенно удачный опытъ публичной обличительной дѣятельности, не охладилъ однако ревности Іоанна. Оставивъ негостеприимную Вологду, Іоаннъ удалился въ предѣлы града Устюга, гдѣ „въ нѣкоей веси“ рѣшился обучиться у одного благочестиваго мастера грамоты, безъ которой для него невозможно было проходить съ успѣхомъ служеніе общественнаго обличителя и наставника благочестію. Медленно давалась Іоанну грамота, „единъ букварь учаше лѣто и мѣсяцевъ шесть“, учитель даже опасался за цѣлость его зрѣнія, такъ какъ Іоаннъ „прилежно очима зря въ букварь, непрестанно слезы испущаше“. Но энергія и усидчивость преодолѣли все, разумъ Іоанна наконецъ отверся и онъ сталъ разумѣть (читать) писанія лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Оставивъ предѣлы Устюга, Іоаннъ перешелъ въ предѣлы града Юрьевца Повольскаго въ село Никольское, гдѣ и женился на дочери тамошняго священника. Живя у тестя священника, Нероновъ ревностно занимался чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви, и въ то же время „видѣвъ іереевъ веситоя, развращенное житіе имущія, непрестанно обличаше ихъ нѣяства ради и многого безчинства.“ И на этотъ разъ обличенія не прошли для него даромъ. Священники написали на него доносъ патриарху Филарету Никитичу, причемъ на доносъ подписались не только нѣкоторые мірскіе люди, но и самъ тесть Іоанна. Тогда Нероновъ отправился въ Троицкую лавру, которой принадлежало село Никольское, и здѣсь явился къ извѣстному исправителю книгъ, архимандриту Діонисію, которому все и рассказалъ о себѣ. Діонисій принялъ въ немъ живое участіе и даже помѣстилъ его въ своей келли. Живя съ Діонисіемъ „не малое время“, Іоаннъ непрестанно читалъ книги божественнаго писанія и въ то же время съ архимандритомъ „и въ правилѣ келейномъ и во всенощныхъ бдѣніяхъ трудяся“. Это общеніе съ архимандритомъ Діонисіемъ,

человѣкомъ по тогдашнему времени просвѣщеннымъ, учительнымъ, строгимъ ревнителемъ благочестія, требовавшимъ, чтобы въ лаврѣ при богослуженіи читали обязательно поученія Златоуста, не могло остаться безслѣднымъ на развитіе и укрѣпленіе взглядовъ Неронова, какъ ревнителя благочестія. Оно имѣло для него и практическое значеніе. Діонисій далъ Неронову рекомендательную грамоту къ патріарху Филарету Никитичу, въ которой, оправдывая его отъ взведенныхъ на него обвиненій, просилъ патріарха посвятить Неронова во діаконы. Филаретъ Никитичъ исполнилъ просьбу Діонисія и Нероновъ возвратился въ Никольское діаконѣмъ. Здѣсь онъ продолжалъ свое служеніе ревнителя: „егда іереи прихождаху въ церковь піани, тогда Іоаннъ властію, отъ архіерея ему повелѣваю, отторгаше ихъ отъ святаго алтаря вонъ изъ церкви извождаше безчинующихъ піанственно, и одинъ пояше въ церкви и поучаше народъ.“ Чрезъ годъ Нероновъ посвященъ былъ во іереи, но преслѣдуемый недоброжелательствомъ своихъ сослуживцевъ, принужденъ былъ оставить село Никольское и поселиться у священника села Лыскова (недалеко отъ Нижняго-Новгорода), Ананія, который „зѣло искусенъ бѣ въ божественномъ писаніи“. Нероновъ прожилъ у Ананія многое время „и пзвыче отъ него разумѣти, яже о Божественномъ писаніи суть недовѣдомая.“ Завершивъ у Ананія свое книжное образованіе Нероновъ выступаетъ затѣмъ въ качествѣ самостоятельнаго настоятеля церкви. Онъ переходитъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ одной опустѣвшей церкви и начинаетъ священнодѣйствовать. Теперь Нероновъ безъ помѣхи могъ осуществлять на дѣлѣ свой идеалъ истинно пастырскаго служенія. Онъ началъ неопустительно и самымъ истовымъ образомъ совершать въ заброшенной дотогдѣ церкви всѣ положенныя богослуженія, которыми и привлекъ къ себѣ богомольцевъ. Тогда онъ сталъ читать народу поученія „съ разсужденіемъ и толковаше всяку рѣчь ясно и зѣло просто слушателемъ своимъ, во еже бы и имъ возможно было внимати и памятовати, и вси пользовахуся поученіемъ его и умилахуся, зряще толикое его тщаніе о спасеніи душъ человѣческихъ, купно и велие смиреніе; ибо поучая народъ, кланяшеса на обѣ страны до земли, съ слезами моля, дабы вси, слышаще, попеченіе имѣли всеми образы,

что „та церковь посреди торжища стоитъ, и много народъ по вся дни непрестанно въ ней бываетъ, да слышаще его ученіе сладкое народъ отвратятъ сердца своя отъ злыхъ обычаевъ и навикнуть добрыхъ дѣлъ. Ибо въ оная времена въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и въ иныхъ россійскихъ градахъ изсякло бѣ ученіе, и уклонился бяху людіе въ небреженіе и слабость и во многія игралища“.

Поселившись въ Москвѣ, Нероновъ ревностно принялся за любимое и уже привычное ему дѣло народнаго учительства; онъ, какъ и въ Нижнемъ Новгородѣ, сталъ постоянно читать народу отеческія поученія, причемъ „егда прочитаваше народу святыя книги, тогда бываху отъ очю его слезы, яко струя, и едва въ хлипани своемъ проглагольваше слово божественнаго писанія; сказоваше же всякую рѣчь съ толкованіемъ, дабы разумно было всемъ христіаномъ“. Въмѣстѣ съ церковною проповѣдію въ Казанскомъ соборѣ установлено было и единогласное пѣніе и чтеніе: „также и пѣніе церковное устави пѣти и глаголати единогласно и благочинно“, такъ что Казанскій соборъ явился тогда такъ-сказать образцомъ для всѣхъ другихъ московскихъ церквей, которыя съ него должны были списывать новые улучшенныя церковныя порядки.

Живая устная проповѣдь, дотогѣ было совсѣмъ замолкшая въ Москвѣ, единогласное чинное пѣніе и чтеніе, уже давно забытыя въ московскихъ церквахъ, строгое, неопустительное исполненіе всѣхъ положенныхъ церковныхъ службъ по чину, истово, возбуждало всеобщее вниманіе и привлекало въ Казанскій соборъ громадныя толпы молящихся. Самъ царь со всею своею семьею нерѣдко приходилъ слушать поученія Неронова, а народу набиралось такъ много, „яко не вмѣщатися имъ и въ паперти церковной, но восходяху и на крыло паперти, и зряще въ окна послушаху пѣнія и чтенія божественныхъ словесъ“. И этихъ невмѣщавшихся въ храмъ Нероновъ не хотѣлъ оставить безъ наученія и назиданія: онъ „написа окрестъ стѣны святыя церкви поучительныя словеса, да всякъ отъ народа приходий къ церкви, аще и кромѣ пѣнія, не простираетъ ума своего на пустошная міра сего, но да прочитаетъ написанная на стѣнахъ, и пользу душъ пріемлетъ“. Въ Москвѣ Нероновъ скоро сталъ рядомъ съ

Стефаномъ, вмѣстѣ съ нимъ онъ являлся въ дворецъ и пеучалъ царя и всю царскую семью, члены которой оказали ему особое расположеніе. Какъ человѣкъ очень энергичный, смѣлый и дѣятельный, какъ человѣкъ книжный и учительный, Нероновъ сталъ выдвигаться на первое мѣсто, заслоня собою Стефана, съ которымъ онъ вступалъ уже въ препирательства и наконецъ окончательно разошелся съ нимъ во взглядѣ на реформу Никона, что впрочемъ никогда не мѣшало ему сохранять къ Стефану личныя, всегда близкія, дружескія отношенія. Таковъ былъ главный сотрудникъ Стефана Вонифатьева, сдѣлавшійся въ Москвѣ самымъ виднымъ, дѣятельнымъ и популярнымъ членомъ кружка ревнителей.

Подобнымъ же характеромъ, т.-е. истовостію въ исполненіи разныхъ церковныхъ службъ, энергичною борьбою съ различными общественными пороками и недостатками отличались и другіе члены кружка ревнителей. Достаточно въ этомъ случаѣ припомнить знаменитаго протопопа Аввакума, его подвиги въ борьбѣ съ нечестіемъ, его многія злостраданія за обличенія людской неправды, людскихъ пороковъ и недостатковъ, его великую способность переносить все, чтобы „грѣшницы ни дѣлали на хребтѣ его“. Познакомившись съ Аввакумомъ, Стефанъ Вонифатьевъ на первый разъ „благословилъ его образомъ Филиппа митрополита, да книгою св. Еврема Сирина, себя пользовать прочитая и люди“, и потомъ, убѣдившись въ горячей ревности Аввакума по благочестію, въ его готовности энергично бороться съ общественными неправдами, пороками и недостатками, Стефанъ назначаетъ Аввакума протопопомъ Юрьевца Повольскаго. Когда Аввакумъ за свои рѣзкія обличенія былъ сильно побитъ въ Юрьевцѣ и бѣжалъ въ Москву, гдѣ явился къ Стефану, тотъ, рассказываетъ Аввакумъ, „на меня учинился печалень: на что-де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ горе! Царь пришелъ къ духовнику благословитца ночью; меня увидѣлъ тутъ; опять кручина: на что-де городъ покинулъ?“ Понятно недовольство царя и Стефана бѣгствомъ Аввакума изъ Юрьевца; Аввакумъ и поставленъ былъ въ юрьевскіе протопопы именно для борьбы съ царившими тамъ среди духовенства и народа пороками, а онъ при первой непріятности,

ничего не сдѣлавъ, малодушно бросаетъ свой важный, отвѣтственный постъ и бѣжитъ въ Москву.

Ближностью, учительностью, борьбою съ общественными пороками и недостатками отличались и другія лица блага духовенства, выдвинутыя Стефаномъ, и получившии благодаря ему протопопскія мѣста по разнымъ городамъ. Такъ костромской протопопъ Даниилъ за свои ревностныя обличенія былъ подобно Аввакуму изгнанъ изъ Костромы. Объ учительствѣ Логгина сохранилось свидѣтельство у Олеарія, который говоритъ, что Логгинъ въ 1653 году сталъ говорить проповѣди и хотѣлъ ввести этотъ порядокъ въ подвѣдомственномъ ему духовенствѣ, въ чемъ уже и имѣлъ большой успѣхъ. Но патріархъ, узнавъ объ этомъ, воспылалъ гнѣвомъ, отрѣшилъ его отъ мѣста, предалъ анаемѣ и сослалъ въ Сибирь. Извѣстна также челобитная жителей Муромъ къ архіепископу рязанскому и муромскому Мисаилу съ похвалами Логгину и съ просьбою возвратить его пастырь. Въ челобитной говорилось, что Логгинъ, мужъ учительный, „по вся дни, ноци и часы“ проповѣдывалъ слово Божіе, вразумлялъ невѣжественныхъ, а „враговъ Божіихъ, церковныхъ мятежниковъ, противящихся преданію св. апостолъ, обличалъ и отъ стада Христова отгонялъ“, и что именно эти враги изъ боязни его обличеній ложно оклеветали его, а между тѣмъ, съ удаленіемъ Логгина изъ Муромъ, явилось въ городѣ „въ православной вѣрѣ христіаномъ раздѣленіе“, мятежники возстали на почитателей благочестія, которымъ приходится теперь бѣжать изъ города, почему челобитчики и просятъ воротить въ Муромъ Логгина. О книжности и способности къ учительству романо-борисоглѣбскаго попа Лазаря говоритъ его обширная челобитная противъ новоисправленныхъ книгъ, которая опровергается въ книгѣ: *Жезлы правленія*.

Такимъ образомъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, подъ главенствомъ и руководствомъ его духовника, благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, образовался кружокъ ревнителей благочестія, въ который вошли люди книжные, учительные, уже заявившіе себя ранѣе строгою благочестивою жизнію, ревностною борьбою съ пороками и недостатками въ средѣ духовенства и народа. Это были, кромѣ самого Стефана

Вонифатьева, известные протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Логгинъ, Лазарь, Даниилъ и вѣроятно другіе. Изъ чернаго духовенства къ кружку ревнителей принадлежалъ Никонъ, какъ его видный и дѣятельный членъ, вѣроятно и епископъ Павелъ коломенскій, а изъ свѣтскихъ лицъ кружокъ пользовался особымъ сочувствіемъ и поддержкою знаменитаго ревнителя просвѣщенія Ѳедора Ртищева⁷⁾. Благодаря своему патрону Стефану, ревни-

⁷⁾ Нельзя въ этомъ случаѣ не обратить вниманія на то обстоятельство, что тѣ ревнители, о происхожденіи которыхъ мы только знаемъ, были земляки или по происхожденію, или по мѣсту своей дѣятельности, что нѣкоторые изъ нихъ были вѣроятно лично или по слухамъ знакомы другъ съ другомъ еще до своей встрѣчи въ Москвѣ. Нероновъ, какъ мы видѣли, въ видахъ довершенія своего образованія, поселился у священника села Лыскова (недалеко отъ Нижняго Новгорода), Ананія, который «зѣло искусенъ бѣ въ Божественномъ Писаніи». У Ананія онъ прожилъ долгое время «и извѣсти отъ него разумѣти, яже о Божественномъ Писаніи суть недовѣдомая». Въ «повѣсти о блаженной жизни преосвященнѣйшаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго перваго строителя Флорисевскія обители», разсказывается, что отецъ Иларіона священникъ, именемъ Ананія, былъ «зѣло благочестивъ, и Божественнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завета добре искусенъ, благъ зѣло и кротокъ», что онъ былъ сначала священникомъ въ нижегородскомъ дѣвичьемъ Зачатьевскомъ монастырѣ, а потомъ перешелъ отсюда въ село Кириково, «яже близъ веси, именуемой Лысково и близъ обители преподобнаго Макарія Желтоводскаго чудотворца». Ананія принялъ монашество подъ именемъ Антонія и Никонъ, еще будучи бѣльцомъ, не разъ бывалъ у Ананія, который и предсказалъ ему тогда, что онъ будетъ патріархомъ (Рукоп. Моск. Румянц. Музея, по указателю Ундольскаго № 418). Не трудно видѣть, что священникъ Ананія, у котораго Нероновъ прожилъ долгое время и у котораго онъ научился разумѣть «яже о Божественномъ Писаніи суть недовѣдомая» и священникъ Ананія «добре искусный въ Божественномъ Писаніи Ветхаго и Новаго Завета», у котораго поучался Никонъ и который предсказалъ ему, что онъ будетъ патріархомъ.—былъ одно и то же лицо. Очень возможно, что Нероновъ и Никонъ встрѣчались у Ананія, или же по слухамъ еще до встрѣчи въ Москвѣ уже знали другъ друга.—То же сказаніе объ Иларіонѣ разсказываетъ, что Иларіонъ былъ женатъ на дочери сосѣдняго священника, Ксенія (которая умерла черезъ полтора года послѣ замужества) и что Ксенія была родная сестра Павла епископа коломенскаго. Значитъ и Павелъ коломенскій былъ родомъ изъ села, сосѣдняго съ Лысковымъ, хорошо зналъ священника Ананію (съ которымъ породнился черезъ свою сестру) и вѣроятно зналъ Неронова и Никона, или лично, или по разсказамъ. Родина протопопа Аввакума, по его собственному свидѣтельству (Матер. УШ, 34) находилась только въ пятнадцати верстахъ отъ родины Никона, такъ что и Аввакумъ могъ лично, или по слухамъ знать Ананію, Павла

тели хорошо были известны царю, царицѣ и членамъ царской семьи, которые вполне сочувствовали направленію и всей дѣятельности кружка, оказывали, особенно нѣкоторымъ его членамъ, свое полное расположеніе и благоволеніе.

Объ общемъ характерѣ дѣятельности кружка Нероновъ въ своей челобитной къ царю изъ Спасокаменнаго монастыря, отъ 6 ноября 1653 года, говоритъ такъ: „они (т.-е. Аввакумъ, Даниилъ, Логгинъ и Лазарь) въ тѣ лѣта безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія безчинныя извѣщали, и святѣйшимъ патріархомъ блаженныя памяти и прочимъ властемъ о утвержденіи святыхъ церквей, что вамъ, государемъ, вѣстно было. И вы, государи, ко утвержденію церкви, вышняго Бога помощію, десницею своею помощь подавали“. Въ частности про себя лично Нероновъ пишетъ царю: „когда я былъ при твоей государевѣ царской свѣтлости, и ты меня равноапостольный, съ безчестіемъ не отсылалъ, что тебѣ благочестивому государю, о многихъ статьяхъ былъ челомъ и извѣщаль“.

Въ чемъ же состояли извѣщенія царю и патріархамъ членовъ кружка ревнителей „на всякія безчинныя“, о какихъ „статьяхъ“ полезныхъ ко утвержденію церкви они били челомъ государемъ (т.-е. царю и патріарху) и въ чемъ состояла та помощь ревнителямъ ко утвержденію церкви, которую имъ оказывалъ государь десницею своею?

Дѣятельность кружка ревнителей опредѣлялась наличностію тѣхъ пороковъ и недостатковъ, какіе въ то время существовали въ жизни народа, самого духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, наличностію тогдашнихъ церковныхъ безпорядковъ, отсутствіемъ живой проповѣди и вообще учительности въ духовенствѣ вслѣдствіе его крайняго невѣжества. На борьбу съ обще-

коломенскаго, Неронова, Никона. Вѣроятно не случайно было, что ревнители или по рожденію, или по мѣсту дѣятельности происходили изъ нижегородской области и были люди, уже ранѣе своей встрѣчи въ Москвѣ такъ или иначе знакомые другъ съ другомъ. Къ сожалѣнію мы рѣшительно не знаемъ, откуда былъ родомъ глава кружка—Стефанъ Вонифатевъ и почему онъ приблизилъ къ себѣ ревнителей по преимуществу изъ нижегородцевъ. Не лишне указать здѣсь и на то обстоятельство, что Иларионъ, архіепископъ рязанскій, одинъ изъ главныхъ поборниковъ исправленій Никона, былъ ранѣе священникомъ въ Москвѣ, или въ со-
сѣднемъ селѣ, и хорошо былъ знакомъ тогда съ Аввакумомъ (Матер. V, 342—343).

ственными пороками и недостатками, на борьбу съ дѣвостію и распущенностію духовенства и вооружился кружокъ ревнителей, поставивъ своею задачею водворить въ народъ истинное христіанское благочестіе, уничтожить разные церковныя безпорядки, вызвать къ жизни церковную проповѣдь.

Прежде всего дѣятельность кружка ревнителей была направлена на уничтоженіе различныхъ народныхъ языческихъ игрищъ и суевѣрій, которыя особенно метерными были въ благочестивомъ христіанскомъ обществѣ. Еще лѣтописецъ (Несторъ) жаловался: „видимъ бо игрища утолочена и людіи много множество, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять (пусты); егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви“⁸⁾. Въ 1274 году митрополитъ Кириллъ въ соборныхъ правилахъ возставалъ противъ народныхъ языческихъ игрищъ: „пакы же увѣдѣхомъ бѣсовская еще держаще обычая треклятыхъ эллинъ, въ божественныя праздники позоры некакы бѣсовскія творити, съ овистаніемъ, и съ кличемъ и съ воплемъ съзывающе иѣкы скаредныя пѣяница и бѣущесе дрекольемъ до самыя смерти“⁹⁾. Стоглавый соборъ съ своей стороны заявляетъ: „еще же мнози отъ неразумія простая чадь православныхъ христіанъ во градѣхъ и въ селѣхъ творятъ эллинское бѣсованіе—различныя игры и плясавія; въ навечеріи праздника Рождества Христова и противъ праздника Рождества Иоанна Предтечи въ ноци и въ праздникѣ весь день мужи и жены и дѣти въ домѣхъ, по удищамъ отходя и поводамъ глумы творятъ всякими играми и пѣснями сатанинскими и многими виды скаредными; подобно же сему творятъ и во святыя вечера и въ навечеріи Богоявленія Господня, и тѣмъ Господа Бога прогиѣвають никимъ же възбраняеми, ни обличаеми, ни наказаемы, ни отъ священниковъ, ни отъ судей истрашаеми, таковыя творятъ неподобныя дѣла, святыми отцы отреченныя“¹⁰⁾. Но обличенія Стоглаваго собора не достигли, какъ и предшествующія, своей цѣли, даже въ самой Москвѣ бѣсовскія игры продолжались по прежнему. Въ 1627 году государь приказалъ

⁸⁾ Полн. собр. лѣтоп. 1, 73.

⁹⁾ Рус. достопамят. 1, 114.

¹⁰⁾ Стоглавъ, изд. Кожанчикова, стр. 261 и слѣд.

бирючу повсюду кликать въ Москвѣ, „чтобъ впередъ, за старое Вагайково, никакіе люди не сходились на безъвищю никои“; и что бѣснѣшники этого приказа будутъ биты внутомъ. И Филаретъ Никитичъ тогда же съ своей стороны объявлялъ въ Москвѣ: „чтобъ съ кобылками не ходили и на игрищахъ мірсіе люди не сходились, тѣмъ бы смуты православнымъ крестьяномъ не было, и коледы бы и о всемъ некликали“¹¹⁾. Въ 1636 году патріархъ Іоасафъ, въ памяти тіуны Манойлову, говоритъ: празднии проводятся всѣми въ Москвѣ не похристіански, такъ какъ и вся противно творимъ и ругательно праздникомъ Господнимъ, вмѣсто радости духовной воздѣланіе творять радости бѣсовской... ходяще по улицамъ въ народъ, безчиствующе, пьянствующе, наругающеся праздникомъ святымъ Божиимъ, вмѣсто духовнаго торжества и веселія воспримше игры и кощуну бѣсовскія, новельвающе медвѣдчикомъ и скомрахомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сатанинскія игры творити, и въ бубны бити, и въ сурмы ревѣти, и руками плеснати и плясати, и иная неподобная дѣяти; и въ тѣхъ праздницѣхъ сходящеся многіе люди не только что младае, но и старые въ толны ставятся, и бывають бои кулачныя великіе и до смертнаго убійства, и въ тѣхъ играхъ многіе безъ покаянія пропадають; и всякаго беззаконнаго дѣла умножилось, злыжескихъ блядословій и кощунъ и игръ бѣсовскихъ“¹²⁾. Эти грубыя языческія игрища и забавы процвѣтали кромѣ Москвы и во всѣхъ другихъ городахъ, причемъ они съ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимали иногда безобразно-кощунственный характеръ. Нѣкто старецъ иконописецъ Григорій изъ города Вязьмы, въ челобитной государю 1651 года между прочимъ заявляетъ: „и игрища разные богомерзше бывають (въ г. Вязьмѣ), въ началѣ отъ Рождества и до Богоявленія всенощные, на коихъ святыхъ нарицають, и монастыри дѣлають, и архимарита, и келаря и старцовъ нарицають, тамъ же и жепокъ и дѣвокъ много ходять и тамо дѣвицы дѣвство дьяволу отдають. Другое игрище,—продолжаетъ челобитчикъ, о Троичномъ дни—за городъ на кургана ходять и неподобная творять. Третіе игрище—отъ Петрова дни до Ильина дни: на реляхъ вѣшаются и на крутя-

¹¹⁾ А. И. III, № 92, VIII—X.

¹²⁾ А. Э. III, № 264.

щихъ крутятся и многихъ дѣволъ береть,¹⁾ и деньги тыхъ благословляютъ при церквахъ погрѣбати. Также о рождествѣ Іоанна Предтечи всю ночь бѣсятся, бочки дѣтярныя зажигаютъ и съ горъ катаютъ и, вѣники зажегши, скачутъ. Также въдуновъ много и свадьбы безъ нихъ не могутъ отпразднати и одинъ другаго портать, а тое на все начальники, посумы берутъ, благословляютъ, и людемъ соблазнъ и пагуба, гдѣ бы вмѣсто сего Бога молити, ежебы сохранилъ и забывилъ въ нынѣшнее послѣднее время отъ еретикъ и отъ иного всякаго зла²⁾.

Противъ всѣхъ этихъ народныхъ языческихъ игрищъ, грубыхъ и иногда кощунственныхъ народныхъ забавъ и равныхъ суевѣрій сильно и энергично возсталъ кружокъ ревнителей, члены котораго, какъ Нероновъ и Аввакумъ, еще ранѣе боролись съ скопцами и съ разными бѣсовскими игрищами. Недаромъ конечно и Стефанъ Воиновъ настоялъ на томъ, чтобы на царской свадьбѣ не было „ни смѣху никакого, ни кощунъ, ни бѣсовскихъ играній, ни пѣсней студныхъ, ни сопельнаго, ни трубнаго возлогласованія“,—все это не только во дворцѣ, но и повсюду въ народѣ должно было уничтожиться и замѣниться другимъ—строго христіанскимъ и благочестивымъ препровожденіемъ праздничнаго времени. Въ этихъ именно видахъ, конечно подвляніемъ и по настоянію кружка ревнителей, предпринимается государемъ рядъ законодательныхъ мѣръ, имѣющихъ въ виду насажденіе въ народѣ христіанскаго благочестія. Именно: въ 1646 году, патріархъ Іосифъ, по приказанію государя посылаетъ всему духовному чину въ Москвѣ наказъ, въ которомъ говорить, что царь приказалъ всѣмъ духовнымъ и мірскимъ людемъ въ предстоящій великій постъ „поститься и жити въ чистотѣ со всякимъ воздержаніемъ, и отъ пьянства, и отъ неправды, и отъ всякаго грѣха удалялись“, почему онъ патріархъ и приказываетъ всѣмъ московскимъ протопопамъ и понамъ учинить въ своихъ церквахъ крѣпкій наказъ, чтобъ всѣ прихожане, церковники, сами попы и дьяконы въ теченіе всего великаго поста постились и неопустительно посѣщали церковь Божию, и чтобы въ церквахъ стояли всѣ „сострахомъ и трепетомъ и съ любовію въ молчаніи, безъ всякихъ шептовъ, и ничтожъ земнаго не по-

¹⁾ Эта челобитная старца Григорія напечатана въ приложеніи.

мышляли.. молились бы со слезами и со вздыханіемъ смиреннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, безъ злобы и безъ гнѣва, о грѣсѣхъ своихъ“. А если дѣти духовныя не будутъ ходить къ покаянію и окажутся непокорны и не послушны своимъ духовнымъ отцамъ, то послѣднимъ про такихъ ослушниковъ надлежитъ докладывать патриарху и „въ ихъ непослушанствѣ и въ безчинствѣ государевъ указъ будетъ“ ¹⁴⁾. Въ слѣдующемъ 1647 году 17 марта государь и патриархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложили, чтобы никто въ воскресные дни отнюдь не работалъ, но чтобы всѣ обязательно посѣщали въ эти дни храмы для молитвы. Всякія работы приказывалось всѣмъ прекращать въ субботу, когда въ соборѣ начнутъ благовѣстити къ вечернѣ, а также прекращать съ этого времени и всякую торговлю, затворять торговые ряды, закрывать торговыя бани и такъ продолжать и въ воскресенье до окончанія церковныхъ службъ. Такъ же повелѣвалось проводить и всѣ господскіе праздники. Этотъ соборный приговоръ былъ разосланъ по всѣмъ епархіямъ и по всѣмъ монастырямъ для исполненія ¹⁵⁾. Наконецъ въ 1648 году издается специальное распоряженіе государя въ видахъ уничтоженія народныхъ языческихъ игрищъ и суевѣрій. Это распоряженіе разъясняется по городамъ къ воеводамъ, которымъ предписывается наблюдать за строгимъ выполненіемъ повсюду царскаго указа. Въ указѣ говорилось: государю стало вѣдомо, что мірскіе люди въ господскіе дни и святыхъ въ церкви не ходятъ, что „умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморотство со всякими бѣсовскими играми“, именно: многіе увлекаются скоморохами и, сходясь по вечерамъ на позорища, слушаютъ здѣсь ихъ богомерзкія скверныя дѣсны и игры; иные чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ приглашаютъ къ малымъ дѣтямъ для бѣсовскаго волхвованія; многіе сходятся на бѣсовское сонмище „и по зарямъ и въ ночи чародѣйствуютъ“; медвѣди водятъ и съ собачками пляшутъ, и зернью, и карты, и шахматы и ладыгами играютъ, и чинятъ безчинное сказаніе и плясаніе, и поютъ бѣсовскіе пѣски, и на святой недѣли жонки и дѣвки на доскахъ скачутъ“;

¹⁴⁾ А. Э. IV, № 321.

¹⁵⁾ А. И. IV, № 6, стр. 28. А. Э. IV, № 19, 324.

на Рождество Христово до Богоявленнаго дни люди обоихъ половъ сходятся „въ бѣсовское сонмище“, „играють во всякія бѣсовскія игры“; указываются многія суевѣрія, еще сохранившіяся въ народѣ отъ языческихъ временъ, на развратъ, происходящій во время игрищъ, на частые случаи внезапной смерти, на свадьбы, во время которыхъ бывають „безчинники и сквернословцы и скоморохи, со всякими бѣсовскими игры“. Указъ предписываетъ, чтобы православные христіане отъ такихъ бѣсовскихъ дѣйствъ отстали, чтобы они въ воскресные и праздничные дни неуклонно посѣщали церковь Божию, удалялись отъ чародѣйствъ, пьянства, непристойныхъ игрищъ. Мѣстнымъ властямъ предписывается предпринимать противъ зла строгія и рѣшительныя мѣры, а непослушныхъ бить батогами въ первый и во второй разъ, а въ третій и четвертый отсылать для болѣе серьезной расправы съ ними къ воеводамъ ¹⁶⁾.

Обличая господствующіе въ народѣ пороки и недостатки, языческія игрища, грубыя забавы и суевѣрія, кружокъ ревнителей необходимо долженъ былъ обратить свое вниманіе на жизнь и дѣятельность тогдашняго духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, такъ какъ при лѣнивомъ, порочномъ, пренебрегающемъ своими пастырскими обязанностями духовенствѣ невозможно было и исправленіе самого народа и воспитаніе его въ духъ благочестія.

Еще Стоглавъ говорилъ: „попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяни и безъ страха стоять и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ, попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежь себя“. Съ своей стороны и міряне, по заявленію Стоглава, входили и стояли въ церквахъ въ шапкахъ, словно „на пиру или въ корчемницѣ; говоръ, ропоть, всякое прекословіе, бесѣды, срамныя словеса, пѣсни божественныя не слушаютъ въ глумленіи“. Эти безобразія не прекратились однако и послѣ Стоглава даже въ самой Москвѣ. Патріархъ Іосафъ, въ памяти тіуну Манойлову 1636 года, заявлялъ, что сами священники бесѣдуютъ въ храмахъ и безчинствуютъ „и мірскія угодія творяще, и чревоугодію своему послѣ-

¹⁶⁾ Иванова: Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ, стр. 296. А. И. IV, № 35.

дующе, и повинующеся пьянству“ не поучаютъ мірскихъ людей благочинію и христіанскому благопробыванію⁴. Священники служатъ обѣдни безъ часовъ „только отпустомъ начинаютъ“; въ великій постъ священники совершаютъ службы „зѣло по скору“, „лѣнностію и нерадѣніемъ великимъ изнуряютъ время постное“; нѣкоторые священники на пасхѣ вслѣдъ за обѣдней поютъ и вечерню „для своихъ пьянственныхъ нравовъ и лѣнностію содержащихся“; въ воскресные, владычные, богородичные и нарочитыхъ святыхъ праздники священники поютъ заутрени очень поздно и ради этого слишкомъ спѣшно, такъ что положенныя для прочтенія въ назиданіе вѣрующихъ поученія святыхъ отцовъ и житія святыхъ не только не читаютъ, но и возбраняютъ тѣмъ, которые хотятъ читать, вслѣдствіе чего предстояще уходить изъ церкви безъ всякаго поученія и сильно соблазняются такимъ поведеніемъ своихъ пастырей, а въ народѣ оскудѣваетъ вѣра, ибо „вожди ослѣпоша лѣнностію и нерадѣніемъ исправленія церковная погасиша“. Относясь небрежно и нерадиво къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ и служенію, священники вовсе не думаютъ о прекращеніи тѣхъ возмутительныхъ безчинствъ, какія происходятъ въ церквахъ во время богослуженія; мірскіе люди стоятъ въ церквахъ „съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ и во время святаго пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотвореніемъ“; поповы и мірскихъ людей дѣти во время богослуженія „во олтари безчинствуютъ“; „во время святаго пѣнія ходятъ по церквамъ шпыни, съ безстрастіемъ, человекъ по десятку и болши, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ, и въ церквахъ овогда бранятся, овогда и дерутся“; „нѣкоторые, положивше на блюда пелены и свѣчи во время службы ходятъ по церкви, говоря, что собираютъ на созидаіе церкви, а нѣкоторые притворяются малоумными, будучи въ дѣйствительности цѣлоумными; „а нѣкіи ходятъ во образѣ пустынноическомъ и во одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ волосы, и нѣкіи во время святаго пѣнія въ церквахъ ползаютъ, песокъ творяще, и великъ соблазнь полагаютъ въ просты человекѣхъ“¹¹⁾. Съ своей стороны и патріархъ Іосифъ заявляетъ, что въ московскихъ церквахъ допускаются разныя

¹¹⁾ А. Э. III, № 264.

безчинія, доходящія до того, что „въ церкви Божіи приходятъ ави разбойники съ палии, а подъ тѣми палии у нихъ бывають копѣйца желѣзные и бываетъ у нихъ межъ себя драка до крови и лая смрадна“¹⁸⁾. И все это творилось въ московскихъ церквяхъ, такъ сказать на глазахъ самого патріарха и всѣхъ властей!... Неизвѣстный, въ челобитной къ патріарху Іосифу, говоритъ: „молимъ тя святѣй Божій архіерею, призри на святую порученную ти Христомъ церковь его и на вся твоего святи- тельскаго рукоположенія служителя тоя, како именемъ пастыри, а дѣломъ волцы, како нареченіемъ и образомъ учителя, а про- изволеніемъ тяжцы мучители, иже малаго ради покоя своего и предатели суть душамъ человѣческимъ, не настоящей и мало- временной, но грядущей и вѣчной мудѣ. Мали бо, государь, обрѣтаются послѣдующе неместно уставомъ святыхъ отецъ, мнози же нерадиви и лѣнотни къ славословію Божію, приходятъ измѣняюща лица своя, паче же того владуща нами разума омра- ченнымъ пьянствомъ и бѣсовомъ желѣзнымъ дменемъ и гор- достью, чрезъ обычай вскочутъ безобразно во церковь и, на- чала входа церковнаго несправльше, начинаютъ утреню и ве- черню, и тщатся преспѣяти вождо другъ друга во псалмѣхъ и пѣніяхъ, да тѣми обычай и многихъ, суетъ работающихъ, при- ходити къ себѣ приобрящутъ“, забывая о томъ, что приходящіе въ церковь имѣють нужду „слышати особъ всякаго псалма, мо- литвы, пѣніе и, коемуждо словеси послѣдую, просити оставленія грѣхомъ“. „Аще ли, государь, многогласно и безъ тихости цер- ковнаго святаго славословія Божія служба будетъ, то токмо можемъ рещи: сподобихся утрени, или часы, или вечерню слы- шати, нѣсть бо, государь, челоуѣка, иже возможетъ внимати отъ многихъ купно глаголемыхъ, но точію единъ Богъ всѣхъ словеса и мысли зреть и воздаеть комуждо по прошенію и дѣлу“. „Еще же государь, великій святитель, продолжаетъ неизвѣстный челобитчикъ, священники церковни, приходящимъ въ церковь Божію безъ страха Божія, молчать, ведичества рода и славу міра имущихъ боятся и трепещутъ, невѣдуще, яко всякъ страхъ человѣческаго прещенія въ малѣ часѣ приходитъ, ярость же гнѣва Божія на грѣшницѣхъ не имать конца. Ко инѣмъ же

¹⁸⁾ А. Э. IV, № 321.

безчинующимъ въ церкви ласкосердіе же къ нимъ благопокоренія своея ради погябающія чести безчестуемаго Бога и святую его церковь небрегутъ, и дѣти своя духовныя во все лѣтнее время не вопрошаютъ: како пребываютъ и бремена заповѣдей ихъ со усердіемъ ли носяще хранить, но вмѣсто сихъ, противная видяще, молчатъ; предъ ними же бо ходяще (дѣти духовне)? немрутъ постоянія ногамъ, безчинствуютъ, съ похотѣніемъ на жены зрятъ, скверная, глаголю, тщетная творятъ, изумленнымъ образомъ наскочутъ и другъ друга угрызаютъ, сурово сражаются и до крови бьются, опиваются и объедаются, укоризны родителямъ, другъ другу приносятъ и своя родителя отца и мать безчествуютъ, и, страшно реши предъ тобою великимъ святѣйшимъ отцомъ, да не осквернится святый твой слухъ, всякаго чреазъ естество именемъ сквернаго блуда себе и другъ друга и отшедшихъ жизни сея отецъ и братію свою и церковнаго чина досажуть¹¹⁾. Старецъ Григорій, съ своей челобитной государю 1651 года, заявляетъ, что по всемъ городамъ въ церкви Христовой происходитъ „великое небреженіе и нестроеніе, а наипаче отъ пастырей, еже посмрадиша виноградъ Христовъ“, ибо они вмѣсто того, чтобы быть образцомъ „овцамъ стада Христова“, только „волну одираютъ и гладныхъ оставляютъ“, вмѣсто того, чтобы насыщать пасомыхъ божественнымъ ученіемъ, они служатъ для нихъ только соблазномъ. Затѣмъ челобитчикъ приводитъ самые соблазнительные факты изъ жизни мѣстнаго—вяземскаго духовенства. По его словамъ соборный протопопъ въ Вязмѣ женатъ на своей двоюродной сестрѣ, о чемъ и было донесено архіерею, „а онъ на деньги печаль возверглъ“, и дозволилъ протопопу священнодѣйствовать. Ключарь того-же собора взялъ въ Москвѣ у архіерея грамоту, чтобы „исправити и доглядѣти чину во церквахъ въ вяземскомъ уѣздѣ, и онъ изрядно исправлягъ: на одномъ попу исправилъ 50 рублей, на иномъ 30, на иномъ 10 и на иныхъ по силѣ менши вытрясалъ“. А между тѣмъ исправлять дѣйствительно было что: одинъ священникъ, исповѣдавшій женщину, записалъ ея грѣхи, и продалъ эту записку мужу за пять рублей;

¹¹⁾ Эта очень важная челобитная неизвѣстнаго къ патриарху Іосифу напечатана въ приложеніи.

другой священникъ мало того, что самъ блудникъ „знаемъ людемъ, но и прочая учить, глаголя: что за грѣхъ еже похоть исполнити?“. И тавіе то священнодѣйствуютъ ради денежныхъ посуловъ, которые они даютъ, кому слѣдуетъ. Въ самомъ городѣ Вязьмѣ, продолжаетъ челобитчикъ, есть одинъ молодой священникъ, который „своеѣ попадѣи недоволенъ будучи, съ другою живучи, дѣтище прижилъ и ее замужъ выдалъ, и яко до него приставили, онъ за тое дѣтище корову, да пять рублей денегъ далъ, а протопопъ далъ два уліи пчель, да пять рублей денегъ— и нынѣ священнодѣйствуетъ“.

Жалобы челобитчиковъ-ревнителей касаются не только жизни и дѣятельности блага духовенства, но и жизни иноческой, въ которой они также усматривали очень многое, требующее исправленія. Неизвѣстный челобитчикъ заявляетъ патриарху Іосифу: „государь, великій святитель, хошу воспоманути предъ тобою страшнаго виѣ міра, иноческаго житія уставъ, еже пріяша любяще единство. Яко Ілія на Кармилѣ и яко Предтеча въ пустыни—и больше сихъ, яко Іисусъ на горѣ, тако и нынѣ иноцы міра и яже въ немъ отрешися и усердно Христовъ крестъ носити и страсти вседневнаго озлобленія обѣщавшися терпѣти, но невѣмъ, государь, откуду привниде обычай противесь такому обѣщанію: любятъ сребро и золото и украшеніе келейное, имѣють влагалища исполнена лишнихъ одеждъ, тщатся притяжати большая стяжанія и тѣмъ желаютъ мірскія любве достигнути; призываютъ къ себѣ на гостьбу великоименитыхъ властей и сами къ нимъ въ дома ходять, словесы блажатъ и, дѣлы являющесе благими, лстятъ; дарованія приносятъ и большая даяти обѣщаются, себѣ же просятъ имѣть власть во обителѣхъ: игуменство, строительство, и келарство и прочія начальства. И пріемше власть цѣною гиблющаго имѣнія, къ подвластнымъ звѣрообразни являються, сурови и мстиви томители и святыхъ обителей грабители, своихъ дальнихъ и ближнихъ разыскають и обогащаютъ, и всякимъ образомъ обильно дома ихъ исполняютъ монастырскою казною, и сами въ домѣхъ и гостятъ и обнощеваютъ, упивающесе и объядающи бѣсомъ вождѣлвннымъ пьянствомъ съ женами пирующе; и въ монастырехъ различными пьянства и питія имуще, уставомъ святаго иноческаго житія изумленнымъ пьянствомъ ругаются, и одежды ангельскаго образа

сквернять, и братію возмущаютъ таяжде дѣяти.. И откуда, государь, обычай таковъ властемъ: ненавыише довольно время меншихъ степеней, на большая восходятъ и како могутъ быти врачеве душамъ, неприемше искуса цѣлбы, постригается множи кудею привлачими, неимуще дневныя одежда и пища и, помале, власти являются, въ мѣре о иночествѣ произволенія добра неимуще, а во иночествѣ откуду таковымъ абіе устроеніе нрава постигнути?“.

Что подобныя челобитныя могли исходить отъ извѣстныхъ намъ ревнителей, это доказывается тѣмъ, что они вели постоянную неустанную борьбу съ пороками, лѣнностью и небрежностью духовенства, всюду рѣзко и сурово обличая его. Нероновъ, живя въ селѣ Никольскомъ „іереевъ веси тоя, развращенное житіе имущія, непрестанно обличаше ихъ пѣанства ради и многого безчинства“, „безчинующихъ пѣанственно“ іереевъ онъ „отторгаше отъ святаго алтаря и вонъ изъ церкви извождаше“. Аввакумъ, рассказавъ о томъ, какъ жестоко его избилъ толпа въ Юрьевцѣ, замѣчаетъ: „наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни вопятъ: убить вора, блядина сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ“. Тоже было и съ другими ревнителями, чѣмъ отчасти и объясняется то явленіе, что всѣ они, куда-бы ни появлялись, повсюду создавали себѣ непримиримыхъ враговъ, хотя въ тоже время у нихъ являлось и немало послѣдователей и поклонниковъ, которые видѣли въ нихъ людей строго и искренно благочестивыхъ, всецѣло преданныхъ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей. Что ревнители дѣйствительно подавали и царю и патріарху челобитныя, въ которыхъ они указывали на разные замѣченные ими недостатки въ жизни и дѣятельности современнаго духовенства, это подтверждаетъ Нероновъ, когда говоритъ царю, что Аввакумъ, Данииль, Лазарь и Логгинъ „безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія безчинныя извѣщали“. Извѣщенія ревнителей царю и патріарху на всякія безчинныя производили свое дѣйствіе. Въ 1646 году патріархъ Іосифъ издаетъ наказъ всему духовному чину въ Москвѣ, которымъ требуетъ, чтобы приходское духовенство своею собственною благочестивою жизнію, строгимъ исполненіемъ разныхъ церковныхъ правилъ и предписаній, рѣвностнымъ исполненіемъ своихъ пастырскихъ обязанностей, служило образцомъ для своихъ прихожанъ. А которые протопопы и дьяконы,

говорить въ заключеніе наказъ „учнуть пити и ходити безчинно“, тѣхъ патріархъ будетъ смирать „большимъ смиреніемъ, да имъ же быти въ великомъ запрещеніи“²⁰⁾. Въ 1648 году патріархъ Іосифъ писалъ въ монастырь Саввы Сторожевскаго, что государю и ему, патріарху, вѣдомо учинилось, что въ монастыряхъ умножилось хмѣлново и оттого хмѣльного пьянаго питья монастыри оскудѣли, и общежительство и монастырскій чинъ разрушается, и архимандриты, и игумены, и попы черные и строители, и старцы о церковномъ пѣннѣ и благочиннѣ нерадѣютъ, и древнихъ богоносныхъ отецъ преданіе и уставъ не хранятъ, въ церквахъ Божіихъ поютъ поскорю, не единогласно со всякимъ безстрашіемъ, и братію на всяко благочестіе не учать, и сами въ церкви Божіи мало ходятъ, и съ братією въ трапезѣ не бываютъ, ядятъ и пьютъ по кельямъ съ большими поком, забывъ свое иноческое обѣщаніе“. Въ виду этого, говоритъ патріаршая грамота, государь, „слышавъ таковое въ своихъ царскихъ богомодіяхъ, въ монастырѣхъ, смятеніе и нерадѣніе, и лѣность, и преизлишное піянство, и нарушеніе всякаго благочестія и древнихъ святыхъ отецъ преданіе и чинъ монастырскій небрегомъ“, велѣлъ во всѣ города по монастырямъ послать свои указы, чтобы въ монастыряхъ „хмѣльное всякое питье: вино, и медъ, и пиво, и хмѣльные квасы отставили и впредь не держали, а мнѣ, богомольцу своему, велѣлъ послать по всѣмъ монастыремъ грамоты таковыя, чтобъ отнюдъ въ монастырѣхъ хмѣльного всякаво питья не было, и жилибъ по преданію древнихъ отецъ и по чину монастырскому и уставу, чтобъ отъ таково невоздержанія ево царскія богомолья неоскудѣли и запустѣніябъ монастырей не было, и иноческій чинъ и вси православннн христіане, живущіе во святыхъ обителѣхъ, непогибали душевнѣ, и благочестію нарушенія не было“²¹⁾. Противъ монастырскихъ безпорядковъ наконецъ выступилъ и самъ царь непосредственно въ своей грамотѣ отъ 15 іюня 1652 года въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ этой грамотѣ государь заявляетъ, о чемъ ему хорошо стало извѣстно, что въ московскихъ, въ ближнихъ и дальнихъ, въ степныхъ и нестепныхъ

²⁰⁾ А. Э. IV, № 321.

²¹⁾ Иванова; Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ, стр. 302. А. Э. № 325.

монастыряхъ существуютъ слѣдующія злоупотребленія: всѣ монахи и начальствующіе и рядовые держатъ для себя въ монастырскихъ погребахъ и кельяхъ и монастырскихъ вотчинахъ „хмѣльное питье— вино, пиво и медъ“ и отъ ихъ пьянства церкви стоятъ безъ пѣнія; иноки захватываютъ себѣ на трапезѣ хлѣбъ, калачи, рыбу и выносятъ это за монастырь; монастырскія власти во всѣхъ монастыряхъ держатъ у себя дѣтей, братьевъ, племянниковъ, внучатъ, которымъ даютъ монастырскій хлѣбъ и всякій запасъ, а изъ монастырской казны деньги; монастырскія власти посылаютъ въ монастырскія вотчины на жалованье слугъ и, когда тѣ прѣдутъ съ жалованья, берутъ съ нихъ, какъ сами власти, такъ и ихъ дѣти, племянники, внучата посулы и поминки деньгами, виномъ, медомъ, куницами, а кто имъ не дастъ посуловъ, тѣхъ подвергаютъ побоямъ и дѣлаютъ имъ разныя притѣсненія, берутъ посулы и со всѣхъ монастырскихъ крестьянъ, разоряя ихъ; монастырскіе люди ѣдятъ на пиры въ дома мірскихъ людей, гдѣ бражничаютъ, а за это ссужаютъ такихъ лицъ монастырскимъ хлѣбомъ и казною; въ монастыри прѣзжаютъ богомольцы (знатные) и власти даютъ имъ въ почестъ деньги, серебряныя сосуды и лошадей, чѣмъ разоряютъ монастыри; даютъ гостинцы и всякихъ чиновъ людямъ въ Москвѣ, куда привозятъ изъ монастыря посуды и поминки рублей на сто и больше; архимандриты и игумены, по призыву разныхъ мірскихъ людей, ѣздитъ къ нимъ для служенія молебновъ и панихидъ, гдѣ для нихъ устроятся обѣды „и вино и всякое хмѣльное питье имъ подносятъ“, а равно также и всѣ иноки всякій день „для дѣла и не для дѣла“ отпускаются въ городъ; въ Москвѣ и по городамъ иноки священники и простые старцы „поторгомъ и поулщамъ ходятъ и на крестцахъ сидятъ и въ томъ иноческому чину поруганія чинятъ“. Государь приказываетъ уничтожить всѣ эти безпорядки въ монастырской жизни²³⁾. Обличая господствующіе въ народѣ, въ тогдашнемъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ пороки и недостатки, предпринимая тѣ или другія мѣры къ ихъ искорененію, кружокъ ревнителей не могъ не коснуться и вопроса о наличныхъ церковныхъ порядкахъ, которые во многомъ требовали неотложнаго исправленія, реформы.

²³⁾ А. Э. IV, № 328.

Еще 'стоглавый соборъ постановилъ: „псалмовъ бы и псалтыри вдругъ не говорили и каноновъ подва вмѣстѣ не канонархали, но поединому, занеже то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ, тако творити отцы отречено бысть“. Но не смотря на такое постановленіе стоглаваго собора „то въ нашемъ православіи безчиніе и грѣхъ“ продолжались попрежнему, попрежнему службы церковныя совершались разомъ нѣсколькими голосами: одинъ пѣлъ, другой въ это время читалъ, третій говорилъ эктениі или возгласы, или читали сразу въ нѣсколько голосовъ и каждый свое особое, не обращая вниманія на другихъ и даже стараясь ихъ перекричать. Всякая чинность, строгость, а также и всякая назидательность богослуженія, окончательно терялись—церковная общественная служба при такихъ порядкахъ не только не назидала, не научала, не настраивала на молитву предстоящихъ, но напротивъ, приучала ихъ относиться къ богослуженію совершенно механически, безсмысленно, чисто внѣшнимъ образомъ, безъ всякаго участія мысли и чувства. Многие изъ народа стали смотрѣть на посѣщеніе церкви, какъ на одну формальность, и не только во время богослуженія держали себя крайне неблагоговѣно, но и старались ходить въ тѣ именно церкви, гдѣ служба совершалась съ особою скоростью, которая достигалась именно многогласіемъ. Съ своей стороны духовенство, желая заманить въ свои храмы побольше народу, доводило скорость церковныхъ службъ до крайности, позволяя въ храмѣ читать сразу въ голосовъ шесть и больше. Эти вопіющіе беспорядки въ церковномъ богослуженіи глубоко возмущали всѣхъ истинно благочестивыхъ людей и по ихъ жалобамъ высшія церковныя власти предпринимали противъ злоупотребленій нѣкоторыя мѣры. Патріархъ Гермогенъ, въ своемъ посланіи: „о исправленіи церковнаго пѣнія“, пишетъ: „повѣдаютъ намъ христіюлюбивые люди со слезами, а иніи писаніе приносятъ, а сказываютъ, что де въ мірскихъ людѣхъ паче во священникахъ ѿ иноческаго чина вселися великая слабость и небреженіе, о душевномъ спасеніи нерадѣніе, и въ церковномъ пѣніи великое неисправленіе. По преданію св. апостолъ ѿ по уставу св. отецъ церковнаго пѣнія не исправляютъ, и говорятъ де въ голоса въ два и въ три и въ четыре, а индѣ и въ пять, въ

шесть. И то нашего христіанскаго закона чуже²⁰⁾. Патріархъ Гриваевъ, въ памяти тіуу Маноилову 1636 года, звываетъ, что въ Москвѣ во всѣхъ церквахъ „чинится мятежь и соблазнь и нарушеніе нашей святыхъ и православныхъ христіанскихъ непорочныхъ вѣры“, во всѣхъ церквахъ „яко по скору пѣніе Божіе“ говорятъ голосовъ въ пять и шесть и болши, совсѣякимъ небреженіемъ“. Патріархъ запрещаетъ многогласіе, однако сейчасъ же и дѣдаетъ уступку въ пользу укоренившагося злоупотребленія: „а въ деревни бы велики говорить, пишеть оны, голоса въ два, а понуждѣ въ три голоса, апрочѣ экзапсалмовъ, а экзапсалмы бы по всѣмъ церквамъ говорили въ одинъ голосъ, а псалтыри и канонны въ тѣ поры говорить отнюдъ неведѣти“. Но злоупотребленія продолжали существовать попрежнему. Неизвѣстный въ челобитной къ патріарху Іосифу говоритъ: „вспомню тебѣ, государь, и о бездушныхъ гласѣхъ — благовѣсты и звоны по обычаю церковному и по достоянію коегождо дне почину содѣваются, первому другое послѣдуд, звонъ съ благовѣстомъ несмысно; царскаго же, государь, пѣнія обычай отъ многихъ небрегомъ и непоряду совершается, якоже предана намъ святимъ отцы, еже бы первыхъ божественны сладости вкушаше и другихъ совершенію святыхъ службы всѣмъ всякаго едаголемаго и чтемаго и поемаго словеси насыщатися; но точию, государь, дивемъ утреняго времени зовется утреня, или вечерняго времени зовется вечерня, совершается же, государь, ото многогласія въ церквахъ Божіихъ пѣніе образомъ неистоваго пѣянства; къ началному дѣнію другій поемлетъ и третій, даже и до пяти и шести голосовъ кунно бываетъ. И смце, государь, бываемое, кто наречеть святаго церковнаго устава обычан, но воистину, государь, тѣмъ сродимъ да себе глядѣ Божій, а не милость. Помысли, государь, великій святитель, аще восхощеть гостимъ быти у тебѣ царь, и сѣдши съ димъ вечеряти, восхощещи ли вся уготованная брашна, безобразно смѣсавше, кунно представи, но коеждо почину и раду сладкое и сланое, терпкое и мастичное, едино вкушаемо бывають, другое представляемо, и третіе держимо, и другая пакы уготовляема, другъ

²⁰⁾ Сахарова: Исслѣдованіе о русскомъ церковномъ пѣнопѣніи.

звучно, слышь не шумомъ, нише украшениемъ гласа, по знати
би поемое самому поющему, и послушающимъ того пѣнія ра-
зумъ рѣчей мощно бы видати, а не точию гласъ украшати, е-
сли же глаголъ небращи... Въ пѣніи бо нашему точию гласъ
украшаемъ и знаменныя крюки беремъ, а священныя рѣчи
до конца развращены противу печатныхъ и письменныхъ дре-
внихъ и новыхъ книгъ, и источию развращены, но и словенскаго
нашего языка, въ немъ же родихомся и священныиъ писанииъ
ушхомся, чюжи, несвойственны и сопротивны. Гдѣже обратится
во священномъ пѣланіи нашего природнаго словенскаго діалекта
сицевыя, несогласныя рѣчи: сонасо, померу, воиомѣ, тѣмено, и
мои, востѣи, водемѣ, и звыи, додеи, соидаи и прочія тако-
выя странныя глаголы, ихъ же множество повсемѣстно, нише
подробну досести за невѣрныиъ краткаго писанья сего“,
Учители пѣнія, званыиъ Евросиинъ, берутъ съ ученикомъ, за
обученіе пѣнію „маду велию и чаче мѣры“, но сами видятъ уче-
ника „остроумна естествомъ и искорѣ познаниа, пѣніа ихъ и
знама“, до зависти обыкновенно скрываютъ отъ такихъ учени-
ковъ „древнихъ мастеровъ добрыя пераваны и учагъ пѣни по
испорченнымъ“, чтобы ученикъ не превзошелъ учителя. Самые
книги для церковнаго пѣнія были очень испорченны“. Много дубо,
говорить Евросиинъ, и безчисленна алая опись въ оцаменныхъ
книгахъ: рѣдко такой стихъ обряцетоя, который бы былъ не
испорченъ въ рѣчахъ во всякомъ ацаменномъ пѣніи. Въ нашихъ
ацаменныхъ книгахъ многое обратоя: нише рѣчи испорчен-
ныя, послѣдующаго разуму приложены, а во иныхъ мѣстахъ
нужнѣишия глаголанія разуму отъяты... Книги хератейныя были
испорченны, и помимъ кѣго то гласомъ, яро глаголетъ: на рѣчи,
а не якоже нише всаиѣ глаголы бываюиъ, вынишии королованы“.
Это удивляетоя еще тѣми обстоятельствомъ, что ученики единъ
рѣвають книги для пѣнія съ испорченными тетравонъ, арионъ
оци, „недняя добръ ни силу рѣчи, ни разумъ оцила, ни бѣшны
вѣдая, въ той пераванѣ отъ неаучениа, мли оци неаемотро
дифомакцион“, вѣдѣство чюго все пѣніа въ церквахъ совер-
шалоя по крайне испорченнымъ, и извращеннымъ книгамъ. Въ
виду этого Евросиинъ, въ замечаніи своемъ описавъ, „обро-
дѣстся-но мѣстѣ съ трактъ вѣсваломъ“, и на гласомъ млиши,
оци и брагья, и мли, бѣдѣце, съ аамъ, повѣстимъ и рѣсумакъ

зю общаго совѣта; по церковнымъ законамъ любовнаго соединенія; восприимемъ предъ Господомъ, совершившимъ насъ, и прибѣгнемъ и припадемъ къ благочестивому семодержцу, государю, царю и великому князю Алексію Михайловичу всея Руси, и къ святѣйшему великому господину, въ духовномъ чинѣ отцу и богомолку его, Іосифу, патриарху московскому и всея Руси и помоллимъ; еже бы исправитъ съ печатныхъ церковныхъ книгъ и съ харатейныхъ книгъ: Ирмолой и Онтэй и Стихирари въ существномъ разумѣ рѣчей и имемъ, приказати бы и повелѣти имъ, государемъ, добрымъ пѣнникомъ и знаменщникомъ противу грамматическаго художества и истиннаго разума въ именахъ и глаголахъ и въ прочихъ частяхъ, по согласію точекъ и запятыхъ, и разума верхнихъ силъ, знамя положити, къ наученію всему православному христіанству, противъ древнихъ переводовъ харатейныхъ²⁴⁾.

Противъ этихъ вопиющихъ беспорядковъ въ церковномъ богослуженіи особенно сильно и энергично возсталъ кружокъ ревнителей. Стефанъ и Ртищевъ „первые уставивша въ своихъ домѣхъ единогласное и согласное пѣніе“, затѣмъ оно введено было Нероновымъ въ Казанскомъ соборѣ, и уже потомъ, благодаря настояніямъ государя, побуждаемаго ревнителями, и во всѣхъ церквахъ²⁵⁾. На соборѣ 1661 года постановлено было

²⁴⁾ Бычкова. Опис. рукоп. сборниковъ импер. публ. библ. № XXIII, 10. Сахарова: Изслѣд. о рус. церк. пѣнопѣніи. Оп. рукоп. Хлудова № 91.

²⁵⁾ Установленіе единогласнаго пѣнія нѣкоторые почему то считаютъ личнымъ дѣломъ Николая. Это мнѣніе несправедливо. Современныя введенія единогласія лица говорятъ, что это было дѣломъ Ртищева и Стефана Вонифатьевича, которые «первые уставивша въ своихъ домѣхъ единогласное и согласное пѣніе, таже потщашася и благочестиваго царя молити, дабы утвердилъ благочинное въ церквахъ правило, еже бы въ единъ гласъ, а не во многія пѣтія». Единогласіе установлено было «ово ученіемъ протопоповъ Стефана и Іоанна, (Неронова), оже повелѣніемъ царскимъ, съ чествованіемъ особства» и богомудрый архимандритъ Никонъ». Съ своей стороны и Шумеринъ говоритъ, что царь ввелъ единогласіе по совѣту и благословенію своего духовника Стефана и при этомъ замѣчаетъ: «ему же въ томъ богоспасаемомъ дѣлѣ велій поборникъ и помощникъ бысть пресвященный Никонъ митрополитъ». Ясно, что установленіе единогласія было дѣломъ Стефана Вонифатьевича. Никонъ же только содѣйствовалъ распространенію и утвержденію этой другими лицами задуманной мѣры. Но это же дѣлали и всѣ другіе члены кружка, почему Аввакумъ, напримѣръ, и остался навсегда горичымъ

„вѣсти во оцѣхъ; Божіихъ церквей чинно и безмятежно, на Москвѣ и во вѣхъ градохъ, единогласно, на вечернихъ и на павечерницахъ, и на полудневныхъ, и на заутреняхъ, и на всахъ говорить въ одинъ голосъ, тихо и насѣдно, со всахъ вниманіемъ, къ царскимъ дверемъ лицомъ“²⁹⁾. Благодаря этому соборному постановленію „то въ нашихъ православныхъ великое безчине и грѣхъ“, многогласіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи, уничтожилось несебе, церковное богослуженіе съ этого времени стало совершаться у насъ относительно чинно, стройно, болѣе или менѣе вразумительно и назидательно для предстоящихъ.

Утвердивъ единогласіе въ церквяхъ, кружокъ ревнителей неслѣдзатѣмъ обратилъ вниманіе и на необходимость упорядоченія самаго церковнаго пѣнія, на необходимость исправленія церковныхъ нотныхъ книгъ, въ неисправности и испорченности которыхъ заключалась одна изъ главныхъ причинъ беспорядочности церковнаго пѣнія; воззваніе инокъ Евросіава въ пользу исправленія нотныхъ книгъ было услышано. Извѣстный Александръ Мезенецъ въ своемъ сочиненіи: „Извѣщеніе требующимъ учиться пѣнію“, сообщаетъ, что послѣ собора 1651 года, утвердившаго и единогласіе и обязательность *маръчанаго* пѣнія, по царскому повелѣнію въ Москвѣ „собрано было къ тому знаменному устроенію его царскаго величества во градѣхъ и честныхъ обителѣхъ и селѣхъ разныхъ чиновъ отъ святаго Божія церкви чиновачальниковъ и всякаго церковнаго чина избранныхъ людей 14 человекъ“. Такимъ образомъ для исправленія нотныхъ церковныхъ книгъ собрана была цѣлая комиссия изъ свѣдущихъ людей, которая должна была привести эти книги въ должный порядокъ. Но со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона дѣло это остановилось. А такъ какъ неисправность и испорченность нотныхъ книгъ была открыто признана и заявлена, то, по свидѣтельству Мезенца, разные мастера пѣнія сами стали, каждый по своему, исправлять на правую рѣчь пѣніе „и во единогласіе неприяша“. Слѣдствія такого положенія дѣлъ понятны: „во

приверженцемъ единогласія, чего бы никакъ не могло быть, еслибы единогласіе было введено именно Никономъ.

²⁹⁾ А. Э. IV, № 327.

вѣхъ градѣхъ и селѣхъ учинилось велие разгласіе, что и во единой церкви не токмо триемъ или многимъ, но и двѣма пѣти согласно стало невозможно²¹. И только уже послѣ Никона, при патріархѣ Іоасафѣ, снова возвратились къ прежней мысли собрать въ Москву свѣдущихъ людей, которыми нотныя книги и приведены были въ порядокъ²⁷).

Наконецъ кружокъ ревнителей обратилъ свое особое вниманіе на возстановленіе совѣщаній было замолишаго на Руси церковнаго учительства. Дѣло въ этомъ отношеніи дошло было уже до того, что и міряне и сами пастыри стали смотрѣть на церковныя поученія, какъ на нѣчто непозволительное и даже вредное. Патріархъ Іоасафъ въ своей памяти тіуну Манойлову въ 1636 году говоритъ, что мірскіе люди не только церковныя поученія священниковъ презираютъ и неприемлютъ, но и самихъ священниковъ за это поносятъ и укоряютъ. Съ другой стороны и сами священники, торопясь поскорѣе справить службу, не только не читали положенныя отеческія поученія, но и возбранили тѣмъ, которые хотѣли читать ихъ, такъ что предстоящіе уходили изъ церкви безъ всякаго поученія и сильно соблазнялись такимъ поведеніемъ своихъ пастырей. Неизвѣстный въ своей челобитной патріарху Іосифу также сильно жалуется на прекращеніе церковнаго учительства, на полное нерадніе въ этомъ отношеніи пастырей церкви, и проситъ патріарха принять мѣры противъ укореившагося зла. Для поощренія церковнаго учительства при патріархѣ Іосифѣ дѣйствительно предпринимаются нѣкоторыя мѣры, состоящія въ томъ, что при немъ усиленно начинаютъ печатать учительныя отеческія сочиненія, особенно уважаемыя и любимыя народомъ за ихъ назидательный характеръ. Такъ при Іосифѣ печатается (въ 1641 году) Маргаритъ Златоуста и его житіе (въ 1642 г.), поученія Ефрема Сирина печатаются три раза (въ 1643 г. и въ 1652 г.) и два раза вмѣстѣ съ поученіями аввы Дороея, печатается Сборникъ изъ 12 учительныхъ словъ (въ 1642 г.), извѣстное поученіе самого патріарха Іосифа и пр. Благодаря изданію учительныхъ сочиненій получалась возможность читать ихъ въ болѣе исправномъ видѣ, нежели какъ они читались въ старинныхъ неисправныхъ и испор-

²¹) Сахарова—Исслѣд. о рус. церковн. писноствѣ, стр. 28—29.

ченыхъ рукописяхъ,—получалась возможность имѣть ихъ чуть не при каждой церкви. Члены кружка ревнителей, какъ мы знаемъ, отличались учительностію, готовностію всегда и всюду читать народу отеческія учительныя произведенія и толковать ихъ. Нероновъ никогда не разставался съ книгою Маргаритъ, всюду носилъ ее съ собою и не только въ церкви и дома, но на улицахъ и площадяхъ всегда готовъ былъ читать ее народу для его наученія. Такъ поступали и другіе ревнители, причеиъ ихъ проповѣдь всюду возбуждала въ народѣ всеобщее вниманіе, дѣлала ихъ популярными, приобрѣтала имъ множество друзей и покровителей,—у нихъ являлись въ этомъ отношеніи подражатели и среди духовенства. Біографъ Неронова говоритъ, что въ Нижнемъ-Новгородѣ „священники мнози, ревнующе іерею Іоанну, начаша износити изъ сокровищъ сердца своего сладость ученія Божественнаго Писанія“. Поученія Логгина создали ему популярность и приверженцевъ, какъ это видно изъ челобитной жителей Мурома къ архіепископу рязанскому Мисаилу, съ просьбою возвратить имъ учительнаго пастыря. Сами высшіе іерархи стали къ концу патріаршества Іосифа требовать отъ подвѣдомственнаго имъ духовенства церковнаго учительства. Такъ ростовскій митрополитъ Іона, въ окружномъ посланіи къ пастырямъ, при своемъ вступленіи на митрополию, пишетъ, обращаясь къ духовенству: „училибъ естя люди Божіа, кто неприлучится у церкви Божіа, на всякъ день, съ прилежаніемъ. А какъ прилучится вамъ прочитати отъ Божественнаго Писанія поученіе, тогдабъ единъ почиталъ, а другій за нимъ толковалъ, или кто можетъ чести, да и толкуетъ самъ, чтобъ простымъ людемъ было что пріяти отъ васъ“²⁸⁾.

Такимъ образомъ дѣятельность кружка ревнителей благочестія была направлена на искорененіе въ народѣ пороковъ, суевѣрій, неприличныхъ языческаго характера игрищъ, на водвореніе въ обществѣ духа христіанскаго благочестія и религіозности вообще, на исправленіе разныхъ церковныхъ беспорядковъ, на поднятіе совѣсьмъ было замолешей у насъ церковной проповѣди.

Нетрудно видѣть, что указанная нами дѣятельность кружка ревнителей благочестія, насколько мы ее можемъ знать по не-

²⁸⁾ А. И. IV, № 62.

многимъ дошедшимъ до насъ отъ этого времени свѣдѣнiямъ, была дѣятельностiю въ извѣстномъ отношенiи преобразовательною, такъ что представители кружка ревнителей, въ глазахъ многихъ невѣжественныхъ лицъ, были ничто иное, какъ безпокойные и опасные новаторы и даже чуть не еретики, стремящiеся измѣнить отеческiе, вѣками освященные и всѣми доселѣ признаваемые порядки и обычаи. Вездѣ, гдѣ только появлялись, съ своимъ неустаннымъ учительствомъ, съ своими обличенiями, съ своимъ строгимъ, истовымъ исполненiемъ всѣхъ церковныхъ службъ и пастырскихъ обязанностей,—вездѣ они встрѣчали, вмѣстѣ съ сочувствiемъ къ себѣ и ко всей ихъ полезной дѣятельности, и рѣшительное нерасположенiе и даже прямую вражду со стороны лицъ, ими обличаемыхъ и особенно со стороны лѣниваго, порочнаго и невѣжественнаго духовенства. Даже среди извѣстной части столичнаго московскаго духовенства, необходимо болѣе образованнаго и развитаго, чѣмъ духовенство провинциальныхъ городовъ, а тѣмъ болѣе духовенство сельское,—дѣятельность ревнителей благочестiя встрѣчала сильныя порпцанiя и противодѣйствiе, навлекала на нихъ обвиненiе въ еретичествѣ. Въ 1651 году гавриловскiй попъ Иванъ извѣщалъ государя: „говорилъ де ему Никольской попъ Прокофей, гдѣ съ нимъ не сойдется: *заводите де вы ханжи ересь новую единогласное тѣмъ и людей въ церкви учите*, а мы де людей прежь сего въ церкви не учивали, а учивали ихъ въ тайнѣ. И говаривалъ де онъ попъ Прокофей: бѣса де и вы имате въ себѣ всѣ ханжи... и протопопъ де благовѣщенскiй (Стефанъ Вонифатьевъ) такой же ханжа, сказалъ де онъ: Господа Саваоѳа видѣлъ (?), и онъ де бѣса видѣлъ, а не Бога. А Бога де кто можетъ видѣти во плоти?“ И другiе московскiе священники сильно возмущены были введенiемъ единогласiя и требованiемъ отъ нихъ учительства,—они шумѣли и не хотѣли подписываться подъ требованiемъ объ обязательномъ введенiи единогласiя во всѣхъ церквахъ. Тотъ же попъ Иванъ заявлялъ, что 11 февраля въ сѣняхъ московской тiунской избы былъ сильный крикъ: „Лукинскiй попъ Сава съ товарищи говорилъ такiя рѣчи: мнѣ де къ выбору, который выборъ о единогласiи, руки не прикладывать, напередъ бы де велѣли руки прикладывать о единогласiи бояромъ и окольниковымъ,

любо де имъ будетъ единогласіе²⁹⁾. И когда попъ Иванъ сталъ говорить противящимся единогласію, что они не могутъ презирать изволеніе Божіе, уставъ св. отецъ, повелѣніе государя и патріарха, то получилъ такой отвѣтъ отъ шумѣвшихъ іереевъ: „намъ де хотя и умереть, а къ выбору о единогласіи ругъ не прикладывать“. Въ то же время какой то попъ Андрей говоритъ: „чтобъ или съ казанскимъ протопопомъ (т.-е. Нероновымъ) въ единогласномъ пѣніи дали жеребей, и будетъ ея тѣра права, и они де всѣ учнутъ пѣть (единогласно) и говорить (поученія)³⁰⁾“.

Съ самаго начала дѣятельность ревнителей (Стефана, Ртищева и Никона), какъ видно, вовсе не расходилась съ дѣятельностью патріарха Іосифа, являлась какъ бы ея отпрыскомъ, ея восполненіемъ. Это было, казалось, то же направленіе, только имѣвшее въ виду специально практическую сторону жизни, область наличныхъ общественныхъ нравовъ, обычаевъ, наличныхъ церковныхъ порядковъ и проч., такъ что дѣятельность ревнителей служила какъ бы только восполненіемъ преобразовательной дѣя-

²⁹⁾ Это на первый взглядъ странное требованіе московскаго приходскаго духовенства, чтобы прежде обязательнаго введенія въ церквахъ единогласія спросили напередъ у бояръ и окольничихъ: любо ли имъ будетъ единогласіе?—по нашему мнѣнію объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе прихожане охотнѣе шли въ тѣ церкви, въ которыхъ служба совершалась очень скоро, ради чего у насъ собственно и возникло многогласіе, дававшее возможность сокращать срокъ службы до послѣдней возможности, хотя въ то же время всѣ требованія церковнаго устава формально выполнялись. Такіе церковные порядки вѣнше благочестивымъ людямъ нравились какъ нельзя болѣе. Введеніе же единогласія, истовое исполненіе церковныхъ службъ, введеніе церковныхъ поученій, необходимо должно было значительно удлиннить всѣ церковныя службы, что сильно могло не понравиться многимъ прихожанамъ, привыкшимъ къ прежнимъ короткимъ службамъ. Въ виду этого опасенія—введеніемъ единогласія возбудить неудовольствіе своихъ сильныхъ и вліятельныхъ прихожанъ, московское приходское духовенство и требуетъ, чтобы напередъ спросили бояръ и окольничихъ—любо ли имъ будетъ единогласіе.

³⁰⁾ Зап. рус. археол. общ. II, 394—396. Въ приведенныхъ заявленіяхъ московскаго духовенства нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что главными новаторами, виновниками введенія единогласія и церковныхъ поученій признаются Стефанъ и Нерововъ, а не Нивонъ, о которомъ даже вовсе и не упоминается, что было бы невозможно, еслибы онъ дѣйствительно въ то время былъ, какъ нѣкоторые думаютъ, главнымъ виновникомъ введенія у насъ единогласія и церковныхъ поученій.

тельности патриарха Иосифа. Въ воззрѣнїяхъ первыхъ дѣятелей кружка ревнителей: Стефана, Ртищева и потомъ Никона, не могло быть ничего особенно враждебнаго тѣмъ новымъ вѣнїямъ, которые проявились при Иосифѣ, такъ какъ глава кружка, Стефанъ, несомнѣнно самъ содѣйствовалъ появленію и укрѣпленію въ Москвѣ этихъ вѣнїей, онъ былъ близкимъ другомъ Ртищева, въ бесѣдахъ съ нимъ проводилъ иногда ночи, съ нимъ совѣтовался при выборѣ лицъ для поставленія на протопопскія мѣста въ разныхъ городахъ. Съ своей стороны и Ртищевъ, устроивъ около Москвы Андреевскій монастырь и вызывая въ него ученыхъ, южно-русскихъ монаховъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, конечно, съ согласія и одобренія Стефана. Точно также и царь, не совѣтовавшись предварительно съ своимъ уважаемымъ духовникомъ, не рѣшился бы на такую небывалую мѣру, какъ вызовъ въ Москву ученыхъ кїевлянъ для книжныхъ исправленій, безъ одобренія своего духовника не рѣшился бы онъ и на учрежденіе въ Москвѣ школы, въ которой бы образованные кїевляне и греки учили москвичей разнымъ наукамъ. Несомнѣнно, что все это дѣлалось и Ртищевымъ, и царемъ съ вѣдома и согласія Стефана, который, слѣдовательно, лично вовсе не былъ противникомъ науки, образованія и книжныхъ исправленій. То же самое доказывается между прочимъ и тѣмъ, что книга о Вѣрѣ, написанная кїевляниномъ Назаналомъ, игуменомъ кїевского Михайловскаго монастыря, была, въ 1648 году, напечатана въ Москвѣ, по свидѣтельству дьякона Ѳедора, „тщательствомъ благаго духовника царя Стефана Вонифатьевича“. Правда, когда въ Москвѣ появились кїевляне и ихъ ученики, то они, по наблюденію москвичей, свысока стали трамбовать учительныхъ и благочестивыхъ московскихъ протопоповъ: „всѣхъ они (кїевляне съ своими учениками) укоряють, и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана (Неронова) и Стефана (Вонифатьева) и иныхъ: враки де они вракують; слушать у нихъ нечего, и себѣ имени невѣдаютъ; учать де—просто ничего не знаютъ, чему учать“³¹⁾.

³¹⁾ «Дѣло по дошосу чернеца Саула на бояръ Ивана Васильевича Засѣцкаго на Луку Тимофѣева, сына Голосова, да Благовѣщенскаго собора на дьячка Константина Иванова, что они къ нему въ келью приходили и про еретичество говорили. 158 года, апрѣля въ 3 день, явѣщаль околиничему Ивану Ондрѣвичу

Дѣйствительно, съ прибытіемъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ необходимо должно было произойти сравненіе, сличеніе старой московской учености съ новою кіевскою, причемъ представители и приверженцы кіевской учености естественно старались уронить въ общественномъ мнѣніи старую московскую ученость и ея представителей, учительныхъ протопоповъ Стефана и Неронова. Но это обстоятельство, кажется, очень мало затрогивало Стефана, который самъ содѣйствовалъ вызову въ Москву ученыхъ кіевлянъ и не имѣлъ вообще особыхъ притязаній на ученость и учительность, такъ что въ интересахъ оживленія въ

Милославскому чернецъ Саулъ: есть де за нимъ государево дѣло, чтобъ про тотъ его извѣтъ сказалъ государю, и околичней Иванъ Одрѣвичъ сказывалъ про то государю. И марта въ 5 день сказалъ чернецъ Саулъ предъ государемъ: нинѣшней де зими, а о кою пору, того не упомянуть, приходила къ нему въ келью Иванъ Васильевъ, сынъ Засѣцкой, да Лучка Тимофьевъ, сынъ Голосовъ, да Благовѣщенскаго собора дячекъ Костка Ивановъ, и межъ себя шептали: учиться де у кіевлянъ Ѳеодоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той де грамотѣ и еретичество есть, а боярнинъ де Борисъ Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, а еретичество де знаетъ и держится. А Степанъ Алябьевъ спрашиванъ, а въ распросѣ сказалъ: какъ де былъ на Москвѣ старецъ Арсеній греченинъ, который сосланъ на Соловки, поизъ Степанъ хотѣлъ было у него поучиться полатини, и какъ тотъ старецъ сосланъ на Соловки, и онъ де и учиться пересталъ и азбуку изодралъ, потому что учили ему говорить родимцы его и Лучка Голосовъ, да Ивашко Засѣцкой: перестанъ де учиться полатини, дурно де; а какое дурно того не сказали; а разговоровъ де онъ съ ними—Лучкою и Ивашкомъ никакихъ не говаривалъ, а Лучка де говаривалъ: латинской де языкъ незнакомъ и многія въ немъ ереси.—Дячекъ Костка Ивановъ въ распросѣ сказалъ: нинѣшнего году на масляницѣ, а въ который день, того не упомянуть, провозжали де протопопа (Стефана Воиифатьева) Лучка Голосовъ, да Ивашко Засѣцкой, да онъ Костка отъ Благовѣщенія къ нему на дворъ и, проводя его, пришли къ воротной кельѣ къ старцу Сауду и сѣли на лавкѣ и говорили де ему Косткѣ Лучка и Ивашко: извѣсти де протопопу, что де онъ, Лучка, у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочеть. старцы де не добрые, онъ де въ нихъ добра не позналъ, и добраго ученя у нихъ нѣтъ: нинѣ де онъ манитъ Ѳеодору Ртищеву, болю его, а впредь де учиться никакъ не хочу. Да тотъ же де Лучка говорилъ: кто де по латини научился, и тотъ де съ праваго пути совратится; да и о томъ бы онъ Костентинъ воспомянулъ протопопу: поѣхалъ де учиться Порфирко Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ, а грамоту де проѣзжую Ѳеодоръ промыслилъ доучиваться у старцевъ у кіевлянъ по латини, и какъ де выучатся и будутъ назадъ, и отъ нихъ де будутъ великія хлопоты, и чтобъ де ихъ до Кіева не допустить и воротить назадъ; и такъ де они всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ: Ивана (Неронова) и Степана (Воиифатьева) и иныхъ:

Москвѣ публичной проповѣди, пожелалъ имѣть при себѣ другое лицо, болѣе его ученое и краснорѣчивѣе. Бієраць Неронова прямо говоритъ, что „Стефанъ протѣпощъ, аще и зѣло ведю ревность имѣяше о благочестіи, обаче въ Божественномъ Писаніи не до конца худогъ быше: того ради желаше избрати себѣ въ помощь мужа, въ словесѣхъ рѣчиста и въ святыхъ книгахъ искуснѣйша“. Въ виду этого умный и непритязательный Стефанъ легко мирился съ кievскою ученостію и съ кievскими учителями, какъ онъ впоследствии легко мирился съ преобразовательною дѣятельностію Никона и даже усливался помирить съ немъ своихъ пылкихъ и неразумно-ревностныхъ друзей.²²⁾ Что же касается

враки де они вракують, слушать у нихъ нечего, и себѣ имени не вѣдаютъ, учать де, про то ничего не знаютъ, чему учать. Да онъ же Костка слышать во 157 году по лѣту отъ нова Гоми, а живутъ де они во рѣу пещь Троицко, и прихаживалъ къ тому полу Гоми для правды, и Гома де пещь говоритъ: евангѣ де немалуѣ какъ де бытъ, дѣти де его духовные отъ него просятъ въ Кіевъ учиться по лѣтми. И онъ де Кости молвилъ ему: не отпускай де Бога ради, Богъ де на твою душѣ того взыщетъ. И Гома де молвилъ: азъ бы де радъ ихъ не отпустить, да они безъ пристани со слезами просятъ, и его мало слушаютъ и ни во что ставятъ. Да тѣмъ Лука и Иванна говорили: говорить де кievляне: намъ бы де до Свѣтлага воскресенья дойти, а то де чаемъ, что съ Москвою де подемъ. А про боярина де прѣ Бориса Ивановича Морозова слышалъ онъ у нихъ говорили межъ собою тихонько: Борись де Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, а кievляне де началъ жаловать, а то де знатно дѣло, что туда уклонился къ таковимъ же ереслямъ. Да Костка жъ допрашивалъ, что онъ съ ними шепталъ, и онъ сказавъ же умолчалъ, и чтобы де выстатить и Садма: съ очей на очи. И Саду за речью сказавъ говорилъ: онъ де Костка съ дѣти гороридъ и на ухо шепталъ, да и то де говорилъ, чтобы Богъ ихъ всѣхъ снесъ. И Костка молвилъ: въ томъ де виноватъ, что запомывалъ тѣ де слова, что Богъ ихъ всѣхъ снесъ вмѣстѣ, говорили, а говорилъ де онъ съ ними и шепталъ, что онъ тѣ ихъ рѣчи извѣстилъ протопопу, и я ему извѣстилъ... (Большой Москов. Архивъ мѣнист. иностранныхъ дѣлъ, дѣла приказныя, 1650 года, связка 246, № 31. Конца дѣла, къ сожалѣнію, нѣтъ).

²²⁾ Совсѣмъ иначе, тѣмъ Стефанъ, долженъ былъ отнестись къ обличеніямъ кievлянъ и ихъ учениковъ Нероновъ. Онъ именно и былъ тотъ мужъ «въ словесѣхъ рѣчистый и въ святыхъ книгахъ искуснѣйшій», котораго Стефанъ избралъ для публичной церковной проповѣди въ Москвѣ, такъ какъ онъ еще въ Нижнемъ-Новгородѣ составилъ себѣ громкую репутацію «выдающагося и очень свѣдущаго проповѣдника. Эту репутацію талантливаго «и въ святыхъ книгахъ искуснѣйшаго» проповѣдника Нероновъ съ честью поддерживалъ и въ Москвѣ. Слушать его проповѣди въ Казанскомъ соборѣ приходили иногда самъ царь, «париди и бояре, причемъ въ соборъ всегда собиравася масса народу послушать сладкаго учителя

Ртищевъ, то онъ, какъ дѣйствио, былъ главнымъ дѣятеомъ въ вѣдѣнн въ Москву ученыхъ кѣвалнъ и самымъ горячимъ поборникомъ развитн у насъ образованн, Точно также и Никомъ, перебравшн въ Москву, скоро подчинился здѣсь новымъ вѣдѣннмъ, обдннлся съ его представителями и наконецъ вполне принялся мыслн о необходимости церковныхъ исправленн въ духѣ Юсифа. Такимъ образомъ всѣ три главныхъ вѣдѣнныхъ развитнхъ вовсе не были принципиальными противниками Юсифа и нмъ намѣченныхъ исправленн, а между тѣмъ, несмотря на это, между патрнархомъ Юсифомъ и Стефаномъ Воннатовичемъ съ теченнемъ времени произошло окончательный разрывъ, такъ что Стефанъ Воннатовичъ даже публично дозволялъ себѣ называть Юсифа патрнарха „не пастыремъ, а волкомъ“, поносилъ онъ и всѣхъ другихъ властей „бранными словами“, и ихъ, какъ и патрнарха, называлъ также „волками и губителями“. Въ сожнатню документъ, который сообщаетъ намъ о столкновенн Стефана съ патрнархомъ и властями, не говоритъ, за что именно Стефанъ называлъ патрнарха и властей „волками и губителями“²³⁾. Но кажется мы не ошибемъ, если объяснимъ это столкновенн такимъ образомъ: Стефанъ „внко ведн ревностн кнвнше о благочестнн“ требовалъ отъ патрнарха Юсифа и другихъ властей неотложныхъ и энергичныхъ преобразованн прежде всего и главнымъ образомъ въ сферѣ наличныхъ церковныхъ порядковъ, которые во многомъ уже давно соблазнили истинно благочестивыхъ людей, вызывая съ ихъ стороны горякн жалобы и сѣтованн, требовалъ отъ властей внимательнаго неустаннаго на-

Юаннова. Внстѣ съ Стефаномъ Нероновъ даже ямался во дворецъ и здѣсь «прострѣху ученн духовннмъ: и прѣмлаше благословенн отъ нихъ царь и царца и словесъ ихъ душеполезныхъ послушаху въ сладость». И другн кѣвалнне и ихъ московскне ученнн дерзко заявляютъ, что Нероновъ «вражн дракуеть, что слудалъ у него нечего, что хотя онъ и учитъ, однако самъ хорошо не знаетъ чему учить». Это было древннмъ оскорбленнмъ для Юанна, который конечно не могъ же сознаться, что и онъ подобно Стефану, то же «не до конца худогъ» въ Божественномъ Писаннн, и что онъ дѣйствио хорошо не знаетъ того, чему учить. Понятное дѣло, что для Неронова гораздо легче было заподозрнть и отвергнуть всю современную жевскую и греческую ученость, нежели признаться въ своей собственной научной несостоятельности.

²³⁾ Этотъ документъ—челобнтная патрнарха Юсифа къ царю, очень важна—приводится нами ниже и печатается въ приложеннн.

былоденя за жизнь и дѣятельностію подвѣдомственнаго имъ духовенства, чтобы оно ревностно и истово исполняло свои пастырскія обязанности, требовалъ ихъ особыхъ усиленныхъ заботъ о релігіозно-нравственномъ воспитаніи всего вообще народа, зараженнаго многими пороками и суевѣріями, настаивалъ, чтобы на этой именно дѣятельности сосредоточены были прежде всего заботы и усилія церковныхъ властей, которыя сами должны были, по его мнѣнію, являть собою образецъ истиннаго архипастырскаго служенія, подавать собою примѣръ подчиненнымъ имъ пастырямъ въ надлежащемъ выполненіи ими своихъ пастырскихъ обязанностей. Но кажется, ни патріархъ Іосифъ, ни власти не проявляли особенной охоты и ревности исполнять требованія Стефана, или потому, что вообще имъ не сочувствовали, или потому, что не хотѣли подчиниться водительству царскаго духовника, іерархически имъ подчиненнаго, тѣмъ болѣе, что въ его требованіяхъ находили косвенное порицаніе своей предшествующей архипастырской дѣятельности. Тогда Стефанъ, пользуясь своимъ влияніемъ на государя, сталъ проводить свои планы помимо патріарха и властей, съ помощію царскихъ указовъ и при содѣйствіи выдвинутыхъ имъ ревнителей: Неронова, Аввакума и другихъ, вслѣдствіе чего онъ необходимо сталъ въ натянутыя отношенія къ патріарху и всѣмъ властямъ,—его дѣятельность стала обособляться отъ дѣятельности Іосифа. Не встрѣтивъ желанной поддержки своимъ планамъ у патріарха и властей, Стефанъ въ замѣнъ того нашелъ себѣ горячее сочувствіе въ Нероновѣ, Аввакумѣ, Даниилѣ и др., которые вполне раздѣляли его взгляды и готовы были всячески постоять за нихъ. Естественно, что Стефанъ тѣсно сблизился съ этими вполне сочувствующими ему лицами, которыя и сдѣлались скоро его близкими друзьями²⁴⁾. Новые друзья Стефана, особенно пылкій, энергичный и учительный Нероновъ, уже по самой живости своей натуры не могли оставаться на второмъ планѣ, не только привнесли съ собою

²⁴⁾ Дьяконъ Федоръ говоритъ, что Никонъ всѣхъ, «кои не приложили духъ своихъ ко униженію его враждо и возбранали ему много, еже би не раздиралъ церкве Христови,—казанскій протопопъ Іоаннъ Нероновъ, костромской протопопъ Даниилъ, муромскій протопопъ Логинъ, другъ быша царева духовника великаго Симеона, Вяземскаго протопопа и чина мнози отци и снхъ всѣхъ Никонъ мучилъ... (Матер. для ист. руск. ц. VI, стр. 197).

кругъ воззрѣній, во многомъ отличныхъ отъ воззрѣній Стефана и Никона, но и старался придать имъ преобладающее руководящее значеніе, хотѣли, чтобы ими опредѣлялась вся дѣятельность кружка ревнителѣй, вслѣдствіе чего необходимо должна была съ теченіемъ времени вскрыться рознь въ воззрѣніяхъ самихъ ревнителѣй и повести къ отдѣленію московскихъ ревнителѣй отъ ревнителѣй пришлыхъ, провинціальныхъ. Дѣло въ томъ, что въ лицѣ пришлыхъ въ Москву провинціальныхъ ревнителѣй, наковы Пероновъ, Аввакумъ, Лазарь и др. выступала на сцену старая Русь, совершенно чуждая новѣйшимъ московскимъ культурнымъ движеніямъ, Русь исключительно провинціальная, выросшая и воспитывавшаяся на Псалтыри, на житіяхъ святыхъ, на старыхъ толстыхъ московскихъ сборникахъ и ихъ содержимомъ, совершенно не знавшая и даже не хотѣвшая знать и признавать никакой иной мудрости и науки, кромѣ завѣщаннаго ей старыми московскими книжниками, которымъ только она и вѣрила и предъ которыми преклонялась. Это была Русь, еще прочно державшаяся всѣхъ дѣдовскихъ вѣрованій, обычаевъ и традицій, крѣпко вѣровавшая въ ихъ незыблемость и спасительность, и потому крайне стойкая въ своихъ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ и идеалахъ, крайне неподатливая на всякую новину, враждебная всему, что стремится освободиться отъ узъ вѣковаго, хотя бы уже и отжившаго обычая, отъ привычнаго, вѣками освященнаго строя понятій, хотя бы уже заявившихъ свою дальнѣйшую непригодность. Но если эта старая Русь, совершенно еще нетронутая новѣйшими московскими вѣяніями, и не обладала научнымъ образованіемъ и развитіемъ, воспиталась съ помощію простаго односторонняго начетчества, если кругъ самаго ея христіанскаго пониманія былъ крайне узокъ, а иногда и прямо неправиленъ, если она затруднялась иногда подмѣтить въ Псалтыри простую типографскую ошибку, а о Святой Троицѣ не затруднялась богословствовать неправо,—за то она готова была на мученичество за свои вѣрованія и убѣжденія. Какъ мало въ ней было правильнаго теоретическаго развитія, способности къ отвлеченному и критическому мышленію, такъ наоборотъ въ ея представителяхъ очень много было характера, энергии, стойкости, способности всемъ жертвовать, все претерпѣть за свои идеалы и убѣжденія. Этими своими качествами они способны были про-

изводитъ на всѣхъ, и особенно на простую массу, въ высшей степени сильное впечатлѣніе, способны были самымъ своимъ несостоятельнымъ възвращеніямъ и убѣжденіямъ придать характеръ истинности и святости: на смерть идутъ за свое ученіе—одного этого уже достаточно для массы, чтобы видѣть въ ихъ ученіи, не разбирая и не оцѣнивая его по существу, святую непрерываемую истину,—за неправо дѣло, въ которое сами не вѣрять, люди не кладутъ добровольно головы своей на плаху, не даютъ вырѣзывать у себя языки, не идутъ спокойно на костеръ.

Вотъ такіе-то люди, сгруппировавшись около Стефана, какъ своего цетра, постепенно перебираются въ Москву, становятся здѣсь благодаря Стефану извѣстными самому царю и царской семьѣ, приобретаютъ въ высшихъ кругахъ московскаго общества извѣстность и вліяніе и начинаютъ заявлять притязаніе на руководящую роль въ церковныхъ дѣлахъ, хотятъ проводить и въ Москвѣ свои отжившія воззрѣнія, вовсе не думая поступаться ими даже предъ Стефаномъ, съ которымъ они уже вступаютъ въ пренія и состязанія. Нероновъ въ 1654 году писалъ къ Стефану: „не толи смелъши, государь мой союзнице, священнопротопошъ Стефанъ Вонифатьевичъ, что я тебѣ, живучи на Москвѣ, стужалъ и много тебѣ жестоко и противно говорилъ“¹⁴⁾. Принциальная рознь между Стефаномъ и его провинціальными друзьями необходимо должна была обнаружиться въ Москвѣ при ихъ ближайшемъ взаимномъ знакомствѣ, когда они ближе вострѣбались въ возвращенія другъ друга. Но до тѣхъ поръ, пока новыя московскія вліянія не сформировались окончательно и не нашли себѣ опредѣленнаго выраженія въ церковной реформѣ Никона, провинціальныя ревнители еще держались Стефана и Никона, хотя и тогда уже, какъ мы видѣли, дозволяли себѣ жестоко и противно говорить Стефану. Какъ же скоро Никонъ

¹⁴⁾ Матер. для истор. раск. 1, 77. И съ Никономъ у Неронова, еще до патриаршества перваго, уже были нелады. На это намекаетъ самъ Нероновъ, когда въ письмѣ своемъ къ царю изъ Спасо-каменнаго монастыря отъ 27 февр. 1654 г. говоритъ: «да призываю елика священнопротопоша Стефана Вонифатьевича, когда довореніе и любовь показывалъ азъ къ Никону патриарху, еще же онъ былъ въ архимандритѣхъ и въ митрополитѣхъ и живныхъ словъ ему, господину, не говорилъ, но все по истиннѣ истинну, моля его, да не слушаетъ клеветниковъ» (ibid. 1, 67—68).

вступилъ на патриаршій престолъ и энергично сталъ продолжать дѣло церковнаго исправленія, начатаго его предшественникомъ, а Стефанъ рѣшительно сталъ въ этомъ дѣлѣ на сторону Никона, ревнители провинціалы отстранились отъ Стефана, перестали слушать его совѣтовъ и пошли своимъ собственнымъ путемъ. Въ пылкости Стефана сдержатъ пылъ и заносчивость своихъ друзей, образумятъ ихъ на счетъ происходящаго въ Москвѣ, примирить ихъ съ новыми московскими вѣдѣніями, вызванными новыми настоятельными запросами жизни, оказываются совершенно напрасными. Они уже не слушаютъ болѣе своего патрона, упорствуютъ въ слабости и податливости и, не разрывая личныхъ связей съ нимъ, образуютъ свой собственный кружокъ изъ единомышленниковъ съ нимъ лицъ и, дѣйствуя уже исключительно на свой собственный страхъ и вопреки всѣмъ настойчивымъ совѣтамъ Стефана, они выступаютъ яркими противниками церковныхъ исправленій Никона и производятъ въ русской церкви расколъ.

Въ чемъ же теперь заключаются особенности въ воззрѣніяхъ этихъ провинціальныхъ ревнителей, которые заставили ихъ сначала отдѣлаться отъ Стефана, а потомъ выступить яркими противниками церковной реформы Никона, и наконецъ противниками цѣлой вселенской церкви?

Кружокъ провинціальныхъ ревнителей благочестія признавалъ недостатки современной церковной жизни и долгъ пастырей энергично бороться съ ними, но съ то же время, во взглядѣ на русскую церковь вообще и на отношеніе ея къ другимъ православнымъ церквамъ, онъ стоялъ на почвѣ тѣхъ исторически сложившихся воззрѣній, которыя были высказаны нашими книжниками еще въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, и по которымъ русской церкви отводилось первое мѣсто въ ряду другихъ православныхъ церквей, которыми Русь признавалась единственною хранительницею и опорю чистаго, ни въ чемъ не поврежденнаго православія, уже нѣсколько замутившагося у самихъ грековъ. Москва — это третій Римъ, заслужившій мѣсто новаго Рима — Константинополя, въ дѣлѣ православія русскіе заняли мѣсто прежнихъ грековъ, такъ какъ только у однихъ русскихъ сохранилась теперь правая и въ чемъ неизмѣнная вѣра, только на одной Руси, сравнительно со всѣми другими странами, „боль-

шее есть православие и высшее христианство“, только одна русская держава цвѣтетъ теперь „современнымъ благочестіемъ, какъ свѣтъ солнечный“; тогда какъ у самихъ грековъ „вѣра православная испроказиса Махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ“, вслѣдствіе чего она стала у нихъ ниже и несовершеннѣе во всемъ совершенной вѣры русской. На почвѣ этихъ именно возрѣній, высказанныхъ еще въ началѣ XVI вѣка по преимуществу старцемъ Елеазарова монастыря Филоосемъ, и стояли провинціальныя ревнители ²⁴⁾. Правда, ревнители допущали, что въ русской церковной жизни есть свои недостатки и по-

²⁴⁾ Старецъ Елеазарова монастыря Филоосей, въ посланіи къ великому князю говорить: «иже отъ вышняя и всемогущи, вся содержащая десница Божія, имъ же царіе царствуютъ и имъ же величїи величаются и силїи пишутъ правду, — тебѣ пресвѣтѣйшему и вѣсокоствѣтѣйшему государю и великому князю православному христіанскому царю и владнцѣ всѣхъ, бранодержателю святыхъ Божїихъ престоловъ святыхъ вселенскїхъ и авостольскїхъ церквей пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея уснешія, *иже вместо римскїа и константинопольскїа просїеши*. Старога убо Рима церкви надеса невѣріемъ аполишаріевы ереси; второга же Рима Константинопа града церкви агаряне инуды сѣкирами и оскорди разсѣкоша двери. Сїа же нынѣ *третьяго новата Рима* державнаго твоего царствїа святая соборная авостольская церковь, иже въ концѣхъ вселенныя въ православнѣй христіанской вѣрѣ, во всей поднебеснѣй паче солнца свѣтися. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко яса царства православныя христіанскїа вѣры сиждошася въ твое едино царство, единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь... Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадыи великій Константинъ и блаженный Владимиръ «великій Богоизбранный Ярославъ и прочїи блаженнїи святїи, ихъ же корень и до тебе... Блюди и всемиа, благочестивый царю, яко вся христіанская царства сиждошася въ твое едино, *яко два Рима падоша, а третїй стоимъ, а четвертому не быши*: уже твое христіанское царство ннѣмъ не оставится, до великому Богослову». (Прав. Соб. 1863 г. кн. 1. То же самое Филоосей заявляетъ и въ посланіи къ дьяку Мисюрю—тамъ же 1861 г. кн. 2). На почвѣ этихъ Филоосевскихъ возрѣній о призванїи Рима и ея значенїи въ ряду другихъ христіанскихъ царствъ и стояли ревнители благочестїа, которые, выступивъ потомъ прогланниками церковной реформы Николая, повторяютъ „съ своимъ сочиненїемъ, слова старца Филоосей. Алвакумъ говорить: «мерзость заустѣнїа, не прекодебно священство и прелестъ антихриста на святомъ мѣстѣ воставится, свѣрѣчь на олтари неправославная служба, еже видимъ нынѣ сбннхсѣа. *Иного же отступленїа уже нынѣ не будетъ: ездѣ бо бысть, послѣдняя Русь здѣ*». (Матер. для исторїи раскола Н. Субботкина, т. V, 227). Ннцкита говорить: «вѣдомо тебѣ, великому государю, яко негкїй Римъ надеса аполишаріевою ересїю, второй же Римъ, еже есть Константинополи, агарянскими инуды отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ: твоееж государево, великое русскїе

грѣшности, но эти недостатки и погрѣшности замѣчаются не въ самыхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ, а только въ несправильномъ, или небрежномъ выполненіи ихъ пастырями церкви, которые дѣйствительно и нуждаются въ наученіи, или исправленіи. Сама же русская церковь, по мнѣнію ревнителей, до самыхъ послѣднихъ обрядовыхъ мелочей всегда оставалась и остается вѣрною во всемъ истинному православію, никогда ни въ чемъ не измѣняла ему, ни въ чемъ, даже въ самомъ незначительномъ обрядѣ, ничего не утерала изъ него, такъ какъ на Руси всегда твердо и неизмѣнно держались той мысли, что „не точію въ вѣрѣ, но ни въ малѣйшей частицѣ канонѣвъ и пѣсней, что ни у ка-

царство, *третій Римъ*, и отсюда все христіанское благочестіе въ него едино собрался, и отъ тебѣ благочестиваго царя превелікій Государь господствующихъ и даръ царствующихъ Христъ Богъ нашъ свой талантъ съ прикумомъ вземлетъ». Лазарь, обращаясь къ государю, говоритъ: «греческое царство мнѣ уже иде іедино твое стоитъ иному роду не останется» (Ibid. IV, 158--159, 252, 258). Дьяковъ Федоръ говоритъ: «воя царство, государь, въ конецъ съзвѣшася, сирѣчь въ твое богохранимое государство; здѣсь истинная православная христіанская вѣра». Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: «мерзость запустѣнія неправедное священство и прелесть антихротова на свитомъ мѣстѣ, поставилася, сирѣчь на олтари неправославная служба, еме и видимъ нинѣ сбѣшася. Иного уже отступленія нигдѣ не будетъ: вездѣ бо бысть; послѣднее Русь здѣ» (Ibid. VI, 85, 66). Одоловецкіе челобитчики заявляютъ: «единъ на всей вселеннѣй владыка и благодѣтель непорочный вѣры христіанскія, самодержавный великій государь царь благочестіемъ всѣхъ превидеть, и все благочестіе въ твое государство едино царство собралася, и третій Римъ, благочестія ради, твое государство московское царство именоваша. Ibid. III, 247). Инокъ Сергій пишетъ: «ветхій Римъ падеши аполитаріевою ересію, вторнй Римъ, уже есть Константинополь, агарянскими влуды отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ, великоежъ российское царство, третій Римъ, благочестіемъ всѣхъ превиде и все благочестіе въ него воедино собрался, и единъ российский подъ небесемъ христіанскій царь именуется во всей вселеннѣй» (Ibid. IV, 158—159, 309). Инокъ Авраамій пишетъ: «наша убо святая вселенская апостольская церковь небоподобная, вѣсто римской и константинопольской, богоспасаемаго царствующаго града московскѣй державы, всесвѣтлой Россіи, иже по всей вселеннѣй, паче солнца свѣтится и благочестивою вѣрою сіять, яко вся христіанская царства прендоша въ конецъ и сндошася воедино царство нашего государя: по пророческимъ бо книгамъ, то-есть ромейское царство, два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому небыть... Пишетъ бо и святнй Философъ; Елизарьева монастыря, яко греческое царство разорися, и не соизядется. Оиъ вся случилася грѣхъ ради нашихъ, понеже они предаша греческую вѣру въ гадство, отпаденія гѣрдысто буйства своего, еретическимъ ученіемъ послѣдоваше; вѣру святую нивложилъ» (Ibid. VII, 86—87).

жого слова, ни у какой рѣчи не убавить, не прибавить ни еди-наго слова не должно“, „что православнымъ нужно умирать за едину буюву азъ“. Если же русская церковь въ нѣкоторыхъ своихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ и порознилась съ современною греческою церковію, то это потому, что позднѣйшіе греки не остались во всемъ вѣрны православію, но кое-что утеряли изъ него, допустивъ у себя разныя новшества, вслѣдствіе чего у современныхъ грековъ самое православіе сдѣлалось „пестро“, а благочестія у нихъ „и слѣду нѣтъ“. Въ виду этого все церковное греческое, идущее на Русь, должно, по мнѣнію ревнителей, подвергаться самой строгой и тщательной провѣркѣ русскимъ, и только то, что найдетъ себѣ оправданіе въ русской церковной жизни и практикѣ, можетъ быть отъ грековъ принимаемо и русскою церковію; все же, что у грековъ несогласно съ русскимъ, должно быть безусловно отвергнуто, какъ чуждое православію, какъ привзошедшее въ греческую церковную жизнь въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ иновѣрія и главнымъ образомъ латинства, ибо единственно вѣрный критерій для опредѣленія того, что истинно православно и что нѣтъ, теперь находится не у грековъ, а только у русскихъ. Поэтому вносить въ русскую церковную жизнь что-либо греческое, несогласное съ русскимъ, исправлять русскіе церковные чины и обряды по образцу современныхъ греческихъ, значило, по мнѣнію ревнителей, завѣдомо развращать чистое, ничѣмъ и никогда не оскверненное русское православіе, значило вносить въ него латинскія ереси.

Точно такъ же ревнители благочестія признавали, что въ русскихъ церковныхъ книгахъ находятся нѣкоторыя ошибки и погрѣшности, внесенныя въ нихъ невѣжественными и небрежными переписчиками, и что съ этой стороны русскія книги дѣйствительно нуждаются въ исправленіи. Но они рѣшительно не допускали той мысли, чтобы русскія церковныя книги были очень испорчены и притомъ настолько, что заключали въ себѣ чуть не ереси, чтобы ихъ слѣдовало исправлять или вновь переводить по греческимъ печатнымъ книгамъ. Если ревнители и признавали греческія книги, то только древнія рукописныя, а не новыя печатныя, которыя печатались въ иновѣрныхъ земляхъ и въ которыя, какъ это признавали и сами греки, латиняне и люте-

ране вносили свои ереси²⁷⁾. Въ виду этого русскимъ никакъ не слѣдуетъ принимать греческихъ книгъ и во всякомъ случаѣ для опредѣленія достоинства и пригодности греческихъ книгъ, ихъ необходимо провѣрять имѣющимися у русскихъ славянскими переводами, и все, несогласное съ ними въ греческихъ книгахъ, рѣшительно отбрасывать, какъ неправославное, внесенное въ нихъ еретиками. Греческія книги потому именно и порознились съ русскими, что онѣ подверглись у грековъ искаженіямъ со стороны еретиковъ, вслѣдствіе чего исправлять русскія книги по греческимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ съ ними не сходятся, значило, очевидно, только портить русскія книги, вносить въ нихъ тѣ именно ереси, которыя уже успѣли внести еретики въ книги греческія.

Наконецъ ревнители крайне подозрительно и недоброжелательно относились къ ученымъ выходцамъ: грекамъ и киевлянамъ, и никакъ не желали допускать ихъ до какого-либо участія въ на-

²⁷⁾ Въ этомъ отношеніи особенно важно заявленіе палеопатрасскаго митрополита Теофана, который будучи въ 1645 году въ Москвѣ, писалъ въ челобитной государю: «буди вѣдомо, православный царь, что веліе есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ и боренія отъ еретиковъ, потому что имѣютъ *папезе* и *лютори греческую печать*, и печатають *повсѣдневно богословныя книги святыхъ отецъ*, и въ тѣхъ книгахъ *емъцають лютое земіе — почаную свою ересь*... И то чиница, державный царь, для того, что турки не позволяютъ намъ печатать книги въ Царѣ-градѣ, понеже и кѣмцы, которые пребываютъ въ Царѣ-градѣ, мѣшаютъ отъ зависти своей и осиливають они свою издою... Сердцевѣдецъ есть Господь свидѣтель, что веліе веселіе и радость воспріяла душа моя, что Богъ сподобилъ меня и видѣлъ такова православнаго царя и благочестіе веліе и *вспомянулъ смуты, что имѣють христіане отъ еретиковъ и смущаюся многіе отъ умахъ, прочитаючи шель составленныя книги и надьюцца, что такое есть составленіе святыхъ отецъ и падиють въ прелесть ихъ и пагибють*. Въ виду этого Теофанъ проситъ царя: «да повелиши быть греческой печати (въ Москвѣ) и приѣхать греческому учителю учить русскихъ людей философства и богословія греческаго языку и по русскому, тогда будутъ переводить многіе книги греческіе на русскій языкъ, которые не переведены и будетъ великое надобе на обѣ стороны и великая доброта, да и *греканы освободятся отъ лукавства еретиковъ... сдѣся исполнятся древніе книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво*... (Эта любопытная челобитная палеопатрасскаго митрополита Теофана напечатана нами въ полномъ видѣ въ статьѣ: Слѣдственное дѣло объ Арсеніѣ грекѣ и ссылка его въ Соловецкій монастырь. «Чт. Общ. Любителей Духовн. Просв.» 1881 г. июль).

шихъ церковныхъ дѣлахъ. Нероновъ, въ одной своей челобитной государю, взываетъ, „и нами молимъ тя, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ истиннѣ неразвратниковъ, вопхъ истиннѣ и благочестію ругателей, и ересемъ вводителей, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусили житіе ихъ“. Ревнители хорошо знали, что между учеными греками и киевлянами не мало находилось и такихъ, которые, получивъ образованіе въ западныхъ, по преимуществу въ латинскихъ школахъ, заразились тамъ латинскими мнѣніями и становились открытыми или тайными приверженцами латинства; поэтому они постоянно опасались, какъ бы и на Русь не проникли эти иностранные иноки „истиннѣ и благочестію ругатели и ересей вводители“. Простое благоразуміе, казалось имъ, требуетъ отъ правительства, чтобы оно зорко слѣдило за всякимъ оставшимся въ Москвѣ ученымъ грекомъ и киевляниномъ, и ни подъ какимъ видомъ не допускало бы его до участія въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока объ нихъ не получится полной увѣренности, что они и по убѣжденіямъ, и по жизни дѣйствительно люди строго православные. Такое осторожное отношеніе къ ученымъ выходцамъ, грекамъ и киевлянамъ, тѣмъ болѣе необходимо, что самая жизнь большинства выходцевъ назалась русскимъ во всѣхъ отношеніяхъ очень подоврительною, такъ какъ она не укладывалась въ тѣ рамки благочестивой жизни, какія вѣками выработаны были для нея на Руси ²⁹⁾. „Зримъ бо въ нихъ (въ выходцахъ), государь, пишеть царю Нероновъ, ни едину отъ добродѣтелей: христова бо смиренія не имуть, но сатанинскую гордость и вмѣсто поста многоденіе и пьянство любятъ, вмѣсто же, еме Христа, истаяти тѣло, мягкость и буйство любятъ, крестнаго же знаменія на лица истинное изобразити не хотятъ, и сложенію переть блядословія противятея, яко врази истиннѣ и ругатели, на волѣнхъ же понлонитися Госнодеви отъ покоя ради не хотятъ, и лжу ешиваючи самосмышленіемъ, разумъ божественнаго писанія лукаво скрываючи ововолюннѣ блядутъ на прелесть безумннмъ челоувкомъ ³⁰⁾“.

²⁹⁾ О выходцахъ на Русь съ востока, объ ихъ жизни въ Москвѣ, см. печатлннн, какое онѣ произвѣднн на русскихъ см. нашу книгу: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, глава IV.

³⁰⁾ Матер. для ист. раск. 1, 67.

Такимъ образомъ провинціальныя ревизителѣ вопреки своимъ московскимъ друзьямъ Стефану, Нилону и Ртищеву, смотрѣли на русскія церковныя книги, чины и обряды, какъ на заветную и неоцѣненную святыню, которую вѣдчаснѣ слѣдуетъ беречь и хранить въ ея неизмѣнномъ видѣ, такъ какъ всякая перемѣна въ нихъ была бы премѣненіемъ самой вѣры, показаніемъ чистаго, ничѣмъ не затемненнаго доселѣ русскаго православія и вела къ гибели православія въ цѣломъ мірѣ (ибо четвертому Риму не быть), къ несомнѣнному уничтоженію самаго московскаго царства. Поэтому ревизителѣ были принципиальными противниками всякихъ перемѣнъ и существенныхъ исправленій въ нашихъ церковныхъ внигахъ, чинахъ и обрядахъ, были рѣшительными противниками и ученыхъ грековъ и киевлянъ, такъ какъ въ сближеніи съ ними, въ готовности правительства слѣдовать ихъ совѣтамъ и указаніямъ въ дѣлахъ церковныхъ, видѣли угрозу, серьезную опасность чистотѣ русскаго православія. Если же ревизителѣ и стремились произвести нѣкоторыя улучшения въ религіозно-нравственной жизни общества, уничтожить нѣкоторыя церковныя безпорядки и злоупотребленія, съ жѣлою возвести русскую церковную и религіозно-нравственную жизнь на ту высоту, которая бы соотвѣтствовала предетавленію о русской церкви, какъ о единой теперь хранительницѣ чистаго, ни въ чемъ не поврежденнаго православія, о русскомъ государствѣ, какъ о единомъ теперь православномъ царствѣ въ цѣломъ мірѣ; то они хотѣли достигнуть этой цѣли исключительно только русскими силами, не сходя съ русской почвы, опираясь исключительно на русскую и освященную вѣками заветную старину, не замѣняя тѣмъ принципамъ и традиціямъ, которыми доселѣ слѣдовала русская жизнь. Они вовсе не допускали мысли, чтобы русская жизнь нуждалась въ обновленіи, въ коренномъ переустройствѣ, въ оживленіи и проилюстрованіи ея новыми началами, въ введеніи въ нее новыхъ культурныхъ элементовъ, вслѣдствіе полной несостоятельности и дальнѣйшей непригодности старыхъ.

Такъ случилось, что въ то самое время, когда, при патриархѣ Іосифѣ, въ высшихъ и передовыхъ кругахъ правительственной Москвы уже совершился тотъ великій переломъ въ духовной жизни, вслѣдствіе котораго премія основы и устои русской жизни стали признаваться нѣкоторыми несостоятельными и не-

пригодными болѣе, когда съ особою силою проявилось у насъ стремленіе съ помощію тѣснаго сближенія съ образованными киевлянами и греками, внести въ нашу духовную жизнь новые культурные элементы, построить ее на новыхъ началахъ, отчасти прямо враждебныхъ традиціямъ и воззрѣніямъ старой Руси; въ это самое время старая Русь, со всѣмъ строемъ старыхъ понятій, съ старыми идеалами и цѣлями, въ лицѣ Неронова; Аввакума и др. является въ Москву, занимаетъ здѣсь видное положеніе, становится, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ; крупною вліятельною силою и заявляетъ притязанія руководить и направлять всю нашу общественную и особенно церковную жизнь. При такихъ обстоятельствахъ вполне естественно было, что старое и новое направленіе въ русской жизни враждебно столкнулись въ Москвѣ, и между ними произошла ожесточенная борьба за право дальнѣйшаго существованія.

Кружокъ ревнителей (до его раздѣленія по вступленіи Никона на патріаршій престолъ) находился въ довольно благопріятныхъ условіяхъ для выполненія своихъ плановъ относительно русской церкви и общества. Во главѣ его стоялъ сильный и вліятельный царскій духовникъ, пользовавшійся полнымъ расположеніемъ молодого благочестиваго царя и всей царской семьи, имѣвшій обширныя и сильныя связи съ придворной аристократіей. Члены кружка, руководимые Стефаномъ Вонифатьевымъ, выдѣлялись изъ массы зауряднаго духовенства выдающимися личными качествами, книжностію, учительностію, ревностію и энергіею въ служеніи своему дѣлу. Благодаря сочувствію и поддержкѣ царя и лицъ, его окружающихъ, кружокъ мало-по-малу дѣлается крупною, видною силою, начинаетъ оказывать замѣтное вліяніе и давленіе на ходъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ. Среди его обсуждались и рѣшались разные церковные вопросы, изыскивались мѣры къ исправленію церковной и общественной жизни, и выработанныя имъ рѣшенія благодаря царю приводились въ исполненіе, становились обязательными, закономъ для всѣхъ. Даже такіе дѣла, какъ назначенія митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и протопоповъ предварительно обсуждались членами кружка, ибо царь, отъ котораго собственно зависѣли назначенія, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по совѣту и указаніямъ своего духовника, а тотъ съ своей стороны, отдавалъ

эти вопросы на обсужденіе въ средѣ кружка ⁴⁰⁾. Воздѣйствіе этого руководство всею церковною жизнью стало переходить въ руки кружка ревнителей благочестія, которые фактически дѣлались управителями всей русской церкви. Понятно, что патріархъ и и всѣ власти, которымъ по праву принадлежала инициатива во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, отъ которыхъ собственно должны были исходить всѣ церковныя мѣропріятія и постановленія, оказались стоящими въ сторонѣ,—инициатива въ церковныхъ дѣлахъ стала ускользать изъ рукъ властей и переходить къ ревнителямъ, которые дѣлаются все смѣлѣе, энергичнѣе и требовательнѣе. Властямъ приходилось теперь одобрять и вводить въ церковную практику то, что вырабатывалось въ средѣ кружка, что придумывали вліятельные у цари и при дворѣ ревнители, гордые своимъ вліаніемъ и силою. Понятно, какъ непріятно должны были чувствовать себя власти, у которыхъ власть осязательно начинала ускользать изъ рукъ и относительно которыхъ ревнители, состоявшіе по преимуществу изъ блага духовенства, часто не скупились на рѣзкія обличенія ⁴¹⁾. Но особенно сильно долженъ

⁴⁰⁾ Нероновъ говоритъ, обличая впоследствии Никона: «а которые боголюбцы посланы государемъ блаженные памяти къ Іосифу патріарху, чтобъ ему поставить, по его государеву совѣту, новихъ митрополиты, и во архіепископы, и епископы, и иныхъ во архимандриты и игумены и протопопы, а ты (Никонъ) съ государевымъ духовникомъ съ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ, и не прикословилъ нигдѣ, а на поставленія ихъ не говорилъ: неаксіось, сирѣчь недостойтъ» (ibid. 1, 47).

⁴¹⁾ Біографъ Неронова говоритъ про него: «съ велиемъ бо дерзновеніемъ обличае всѣхъ, елицихъ видяше небогоугодная дѣлающихъ, а наипаче властей духовныхъ, въ своемъ званіи не пребывающихъ.» Патріархъ Іоасафъ говорилъ впоследствии Григорію: «Григоріе! престани про нѣти со архіереями. Григорій же отвѣщавъ рече: владыко святы! аще и смерть прѣти, готовъ естъ правды ради,—несгыжуся глаголати предъ цари и владыки». (Матер. дѣя ист. раск. т. I, стр. 282, 295). Лазарь пишетъ государю: «а нынѣшнія пастыри пригодныя ли люди? И лучшій ихъ поць былъ. А по правиламъ святыхъ отецъ въ мірѣ бывъ поць, кому не бысть поць, нетоимо архіереомъ. А и новѣ естъ власть, въ поць ево гурченинъ ставилъ: и тотъ турскій поставленникъ можеть ли быти и поць? И таковыхъ власти межъ собою невидятъ: какъ, како таковыи пастыри могутъ добри быти? Чрезъ правила святыхъ отецъ чинъ на себя восхщають! не дверьми входятъ во святую церковь, но дирою влезать, яко татіе» (ibid. IV, 262). Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: «а ои (русскіе современные ему архіереи) всмирсти поць бывше, кромѣ малыхъ; и каковы сами преступницы отеческихъ преданій и

былъ чувствовать это и сознавать самъ патріархъ, подъ бокомъ и на глазахъ котораго родилась и выросла эта враждебная ему сила, прозившая, чего не могъ не видѣть Іосифъ, уничтожить все то доброе и лучшее, что было сдѣлано и что еще дѣлалось во время его патріаршества въ видахъ возвысить умственно-религіозную жизнь русскихъ, опираясь на южно-русскую литературу, на образованныхъ кievлянъ и грековъ, на перенесеніе съ помощью послѣднихъ науки и образованія въ Москву, благодаря учрежденію здѣсь правильно устроенной школы. Все болѣе старѣвшій и терявшій значеніе патріархъ не былъ въ состояніи ни повліять на кружокъ, ни подчинить его себѣ, ни остановить его дѣятельность, а въ то же время не хотѣлъ и подчиняться водительство враждебныхъ ему ревнителей, о которыхъ онъ былъ очень не высокаго мнѣнія: „возстали, говорилъ онъ, лицемѣры. Имущи образъ благочестія, силы же его отвергшиися“. По обычаю людей слабыхъ и безхарактерныхъ Іосифъ для противодѣйствія кружку ревнителей прибѣгнулъ къ послѣднему и въ то время рѣдко удающемуся средству: онъ старался, на сколько это было ему возможно, тормозить и задерживать все, что исходило изъ кружка, хотя бы это было вполне законное и полезное. Такъ, на примѣръ, онъ поступилъ въ дѣлѣ введенія кружкомъ единогласнаго пѣнія и чтенія въ церквахъ.

Вопросъ о единогласіи уже давно былъ рѣшенъ голосомъ всей русской церкви на стоглавомъ соборѣ въ смыслѣ рѣшительнаго осужденія многогласія. Кружокъ ревнителей, вообще относившійся къ постановленіямъ стоглаваго собора съ особеннымъ уваженіемъ и почтеніемъ, рѣшился ввести въ церквахъ, которыми завѣдывали ревнители (сначала у Стефана и Ртищева, а потомъ и у Неронова въ Казанскомъ соборѣ) единогласное пѣніе и чтеніе, причемъ, кажется, вовсе не позаботились испросить на это особаго разрѣшенія у патріарха. Въ этомъ Іосифъ

законовъ, таковыхъ же и въ причетъ поставляюще, не искусныхъ писанію протѣяковъ, воровъ же и вѣнницъ, и гнусное жетіе отъ юности проходящихъ многихъ и пр.» И въ другомъ мѣстѣ онъ же пишетъ: «злыя аркіереи поставляются славы ради, и чести и богатства міра сего, и гордостью надуваются, и святельскою властью величаются, и преобразуются ва апостолами христовы. И то не диво есть братіе! И самъ сатана преобразуется въ ангела свѣтла, ему же они послѣдуютъ своими дѣлеси злыми». (Ibid. VI, 68 и 260)

увидѣлъ посягательство со стороны ревнителей на свои патріаршія права, и рѣшительно выступилъ въ вопросѣ о единогласіи противъ ревнителей, по выраженію Шушерина, „за обыкновенность тому доброму дѣлу прикословіе творяше“. Прекословіе Іосифа и тому доброму дѣлу „вытекало конечно не изъ противодѣйствія самому дѣлу ⁴⁹⁾, а изъ нежеланія его подчиниться водительство кружка, поступиться въ его пользу своими правами—Іосифъ видѣлъ въ ревнителяхъ людей самовольныхъ, не считающихъ нужнымъ испрашивать разрѣшенія у патріарха даже по чисто-церковнымъ вопросамъ. Не желая подчиниться настояніямъ кружка Іосифъ рѣшился передать вопросъ о единогласіи (вмѣстѣ съ тремя другими) на усмотрѣніе константинопольскаго патріарха, чтобы ввести потомъ единогласіе не въ силу требованій кружка, а ради рѣшенія этого вопроса въ положительномъ смыслѣ константинопольскимъ патріархомъ. Это очевидное нежеланіе Іосифа исполнять даже вполне законныя и справедливыя требованія кружка, это его стремленіе, въ видахъ противодѣйствія кружку притязательныхъ и властныхъ ревнителей, выдвинуть въ домашнихъ такъ-сказать дѣлахъ русской церкви авторитетъ константинопольскаго патріарха и его голосъ поставить выше голоса цѣлаго собора русскихъ іерарховъ, должно было сильно раздражить кружокъ, многие члены котораго никакъ не хотѣли допускать грековъ до участія въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе руководиться ихъ совѣтами и указаніями. Въ виду этого враждебныя столкновенія между кружкомъ и патріархомъ становились почти неизбежны, тѣмъ болѣе, что ревнители не стѣснялись высказывать по адресу патріарха рѣзкія обличенія и укеры за его нерадѣніе о церкви и паствѣ. Это торжественно подтверждаетъ самъ патріархъ Іосифъ, который въ своемъ соборномъ уложеніи 1651 г. о единогласіи, говоритъ: „азъ слышахъ, яко мнози на мя износятъ укеры, раняще насъ,

⁴⁹⁾ Это видно изъ того, что еще въ 1648 году патріархъ Іосифъ писалъ въ Саввинъ монастырь обличительную грамоту, въ которой между прочимъ говоритъ: «архимандриты и игумены и иномы черные и строители и старцы о церковномъ живніи и благочиніи не радѣють и древнихъ боговосныхъ отецъ предаше и уставъ не хранятъ, въ церквахъ Божіихъ поють по скору *не единогласно со всѣми бжестрашимъ*». Ивашовъ—Описаніе госуд. архива старыхъ дѣлъ стр. 302, А. Э. IV, № 325.

ихъ же отвѣтъ готовъ имуще на судищи Христовѣ устремился умоляти, еще и сотворихъ. Третіе бо се лѣто есть біему рѣшаднику терпя клеветныя раны, доволенъ сый, яко имамъ послуха Господа, тайнамъ совѣтника; едма же видять мнози молчаніе наше на извѣстіе клеветниковъ вѣрующъ, а не задолго терпѣніе мнѣша наше молчаніе, по занеже немнѣхомъ ли смлы разверзати уста ко истинѣ⁴³⁾. Разъ вражда между патріархомъ и ревнителями дошла даже до открытаго соблазнительнаго стѣновенія между главою кружка Стефаномъ Воиновъевичемъ, самимъ патріархомъ Іосифомъ и властями, которые держали сторону патріарха. Это видно изъ челобитной патріарха Іосифа отъ 11 февраля 1649 года къ государю, въ которой онъ, отъ своего лица и отъ лица всего освященнаго собора, жалуется на Стефана въ томъ, что тотъ говорилъ государю „будто въ московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня богомольца твоего называлъ волкомъ, а не пастыремъ, такожъ называлъ и насъ, богомольцовъ твоихъ митрополитавъ, архіепископовъ, и епископа, и весь освященный соборъ бранными словами и волками и губителями, и тѣмъ насъ, богомольцовъ твоихъ, мени патріарха и насъ богомольцовъ твоихъ — освященный соборъ, бранилъ и безчестилъ“. Затѣмъ патріархъ заявляетъ: въ удольной книгѣ писано: кто изречетъ на соборную и апостольскую церковь какіе худыя словеса, да смертію умереть, а онъ Стефанъ, не только что на соборную и апостольскую церковь хулу принесъ, и на всѣ Божіи церкви, и насъ, богомольцовъ твоихъ, обезчестилъ“. Въ виду этого патріархъ проситъ царя созвать соборъ для суда надъ Стефаномъ⁴⁴⁾. Но эта челобитная патріарха на Стефана Воиновъевича не имѣла никакихъ послѣдствій, ему попрежнему приходилось выслуживать рѣзкія и обидныя для него и всѣхъ властей обличенія и укоризны ревнителей, приходилось проводить въ церковную жизнь такія мѣстоустройства, которые вырабатывались въ средѣ враждебнаго и нелицетнаго

⁴³⁾ Дѣло патріарха Никона, Габбенета, т. II, стр. 471.

⁴⁴⁾ Это очень важная и любопытная челобитная патріарха Іосифа къ всего освященнаго собора на благовѣщскаго протопопа Стефана Воиновъевича, писанная на двухъ неподклеенныхъ столбцахъ, найдена нами между неразобранными бумагами главнаго Московскаго архіва министерства иностранныхъ дѣлъ и печатается въ приложеніи.

ему кружка. Наконецъ патриархъ Іосифъ, кажется, потерялъ всякое значеніе и вліяніе въ дѣлахъ церковныхъ, онъ самъ считалъ свое положеніе очень шаткимъ и постоянно опасался, что царь низведетъ его съ патриаршества и поставитъ на его мѣсто другаго избранника, угодника и креатуру кружка ревнителей. По словамъ самого царя Іосифъ, въ послѣднее время, постоянно говорилъ своимъ приближеннымъ: „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а буде и не отставятъ, я и самъ за соромъ объ отставкѣ стаку бить челомъ“. Такъ дѣло шло вплоть до самой смерти Іосифа.

Обзоръ важнѣйшихъ событій времени патриаршества Іосифа приводитъ насъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

Тѣ важныя учительныя и общеобразовательныя книги, которыя издаются у насъ въ первый разъ при патриархѣ Іосифѣ, каковы: Кириллова книга, книга о Вѣрѣ, малый Катихизисъ, славянская грамматика (Смотрицаго), были, какъ мы видѣли, южно-русскаго происхожденія, представляютъ изъ себя, за самыми ничтожными исключеніями, только простую перепечатку сочиненій южно-русскихъ авторовъ. Этотъ фактъ служитъ яркимъ и вѣскимъ доказательствомъ того, что въ передовомъ московскомъ обществѣ, стоявшемъ около патриарха Іосифа, явилось сознание несостоятельности и дальнѣйшей непригодности старой московской учености, сознание необходимости отъ старыхъ московскихъ сборниковъ и ихъ содержимаго, перейти къ усиленнымъ заимствованіямъ изъ ученой кievской литературы, такъ какъ старая московская книжность уже не могла болѣе удовлетворять народившимся новымъ потребностямъ и запросамъ жизни. То же самое сознание недостаточности стараго московскаго обученія по псалтыри, непригодности старой московской учености, приобретающейся только съ помощью односторонняго начетчества, проявилось при Іосифѣ въ дѣятельномъ стремленіи завести въ Москвѣ настоящую школу, въ которой бы подъ руководствомъ образованныхъ кievлянъ и грековъ русскіе могли получать правильное научное образованіе. Объ устройствѣ въ Москвѣ школы хлопочатъ и свѣтское правительство, и патриархъ Іосифъ, и частное лицо Ртищевъ. Ясно отсюда, что переходъ въ нашей духовной жизни, вызвавшій критическое отношеніе къ прошлому, сознание его несостоятельности и необходимости

реформы, начался еще при Иосифѣ, такъ что Никону приходилось идти тѣмъ именно путемъ, который уже былъ намѣченъ при его предшественникѣ.

Патріархъ Иосифъ, въ своихъ посланіяхъ къ датскому принцу Вольдемару, заявлялъ, что истинное православіе находится только у грековъ и русскихъ и у ихъ единовѣрцевъ, что русская церковь по дѣламъ вѣры всегда сносится съ четырьмя восточными патріархами. Въ напечатанныхъ при Иосифѣ книгахъ торжественно заявлялось и доказывалось, что греки вполне и во всемъ православны, что турецкое иго нисколько не повредило древняго греческаго благочестія, такъ что греки и доселѣ держатъ ненарушимо не только правую вѣру, но и древніе церковные чины и обряды. Но этого мало. Для рѣшенія нѣкоторыхъ возникшихъ у насъ церковныхъ вопросовъ патріархъ Иосифъ прямо обратился къ авторитету константинопольскаго патріарха, самымъ дѣломъ показывая, что голосъ константинопольской церкви, въ случаѣ возникновенія у насъ разныхъ вопросовъ и недоумѣній, долженъ имѣть для русской церкви руководящее и прямо рѣшающее значеніе. Не трудно видѣть, что и съ этой стороны патріархъ Иосифъ былъ прямымъ предшественникомъ Никона, который, опираясь въ своей реформаторской дѣятельности главнымъ образомъ на авторитетъ греческой церкви, только продолжалъ идти по тому пути, на который уже рѣшительно вступилъ его предшественникъ патріархъ Иосифъ.

Книжные справщики времени патріарха Иосифа съ особенною силою и настойчивостію заявляли, что древніе славянскіе переводы церковныхъ книгъ очень неисправны, благодаря неискусству древнихъ переводчиковъ, невѣжеству и небрежности позднѣйшихъ переписчиковъ, такъ что на основаніи только славянскихъ переводовъ никакъ нельзя напечатать вполне исправныхъ церковныхъ книгъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо, по мнѣнію Иосифовскихъ справщиковъ, обратиться къ греческому тексту и поручить нижнюю справу людямъ, научно образованнымъ, вполне основательно знающимъ языкъ греческій и славянскій. При Иосифѣ действительно вызваны были въ Москву ученые киевляне для исправленія книгъ съ греческаго языка, между прочимъ для той же цѣли оставленъ былъ въ Москвѣ и ученый грекъ Арсеній и, что особенно важно, уже при Иосифѣ

въ Москвѣ начали исправлять некоторыя церковныя книги съ греческихъ. Ясно отсюда, что и въ дѣлѣ книжныхъ исправленій патриархъ Іосифъ былъ прямымъ предшественникомъ Никона, который, и съ этой стороны, былъ только продолжателемъ того, основаніе чему было положено и что уже фактически было начато при его предшественникѣ.

При патриархѣ Іосифѣ, во вторую половину патриаршества, образовался въ Москвѣ кружокъ ревнителей благочестія, который указывалъ и обличалъ существующіе церковныя безпорядки, господствующіе пороки и недостатки въ жизни народа и духовенства. Этотъ кружокъ ревнителей, по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, оказался въ концѣ рѣшительно враждебнымъ тому новому направленію въ жизни, которое произвелось при Іосифѣ, вслѣдствіе чего уже при Іосифѣ началось столкновение старой и новой Руси, такъ что послѣдующая борьба Никона патриарха съ ревнителями изъ-за церковныхъ исправленій является только продолженіемъ предшествующей борьбы Іосифа съ тѣми же ревнителями.

Сопоставляя теперь все сказанное нами о времени патриаршества Іосифа необходимо придти къ тому заключенію, что обычныя ходячія у нѣкоторыхъ нашихъ историковъ и полемистовъ съ расколомъ представленія о патриаршествѣ Іосифа, какъ о времени господства у насъ крайняго невѣжества, какъ о времени усиленной порчи церковныхъ книгъ, времени полной церковной распущенности, прочнаго водверенія равныхъ церковныхъ безпорядковъ, когда всею церковною жизнью и книжными исправленіями завѣдывала кляка невѣжественныхъ прощолоповъ, превращшихся въ довѣріе очень слабого и престоупнаго патриарха, оказываются не совсемъ вѣрными. Такое ошибочное представленіе о времени патриаршества Іосифа сложилось, намъ кажется, главнымъ образомъ, благодаря усиленному желанію, особенно нѣкоторыхъ нашихъ полемистовъ съ расколомъ, выставить время Іосифа и время Никона, какъ двѣ противоположности, причисляя на долю одного вышедши молочною краску, для яркости картины нарочито усиленную, на долю другого — исключительно свѣтлыя краски, которыя никакъ не допускали въ картинѣ присутствія какихъ-либо тѣней, а тѣмъ болѣе пятенъ. Въ действительности же оказывается, что патриархъ Іосифъ вовсе

не былъ противоположностію Никона, а его прямымъ предше-
ственникомъ не только по времени, но и по всей своей дѣя-
тельности, такъ что между временемъ Іосифа и Никона является
тѣсная органическая связь; Никонъ въ своей дѣятельности только
продолжалъ то, начало чему было положено при его предше-
ственникѣ.

Но если ошибаются нани православные полемисты, когда они
считаютъ патріарха Іосифа чуть не приверженцемъ старообряд-
ства, то еще болѣе ошибочно думаютъ наши старообрядцы, когда
они ссылаются на время Іосифа, какъ на золотое свое время,
когда они заявляютъ свои сѣтованія только на Никона, который
будтобы лично выдумалъ всю церковную реформу и произвелъ
ее на свой страхъ. Справедливость требуетъ отъ старообряд-
цевъ перенести свои сѣтованія съ Никона на личность и время
Іосифа, когда уже намѣчена и начата была та реформа, только
энергичнымъ продолжателемъ которой въ сѣрѣ книжныхъ ис-
правленій явился потомъ Никонъ. Это будетъ тѣмъ болѣе спра-
ведливо, что будущіе главари раскола уже ссорились и боролись
съ патріархомъ Іосифомъ точно такъ же, какъ они продолжали
потомъ ссориться и бороться съ Никономъ. Справедливость тре-
буетъ признать и то, что если Никонъ патріархъ смѣялся гово-
рилъ о ревнителяхъ: „знаю-су я пустосвятовъ тѣхъ“, то вѣдь и
Іосифъ патріархъ объ нихъ же говорилъ: „возстали лицемѣры,
имущии образъ благочестія, силы же его отвергшиися“.